

22.
6914.

СБОРНИКЪ

ЗДАЧА

ИЗД. „ТАРУСЪ-ЯТГ.“

КНИЖНЫЕ ФОРМЫ
БИБЛИОТЕК
АКАДЕМИИ НАУК ССР

ПАДІЛ

ДѢТСКІЯ
КНИГИ

ПОДЪ
РЕДАКЦІЕЙ

АЛЕКСАНДРА БЕНУА
М. ГОРЬКАГО

2г
6914

22
6914

Инв. № 59429

КНИЖКА ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ

СОСТАВИЛИ
АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА
И К. ЧУКОВСКІЙ

Госуд. тип.

САМОВАРЬ.

Было это лѣтней ночью на дачѣ.

Въ маленькой комнатѣ стоялъ на столѣ у окна пузатый самоваръ и смотрѣлъ въ небо, горячо распѣвая:

— Замѣчаете ли, чайникъ, что луна

Чрезвычайно въ самоварѣ влюблена?

Дѣло въ томъ, что люди забыли прикрыть трубу самовара тушилкой и ушли, оставивъ чайникъ на конфоркѣ; углей въ самоварѣ было много, а воды мало,—вотъ онъ и кипятился, хвастаясь предъ всѣми блескомъ своихъ мѣдныхъ боковъ.

Чайникъ былъ старенький, съ трещиной на боку, и очень любилъ дразнить самоваръ. Онъ ужъ тоже начиналъ закипать; это ему не нравилось,—вотъ онъ поднялъ рыльце кверху и спипить самовару, подзадоривая его:

— На тебя луна

Смотритъ свысока,

Какъ на чудака,—

Вотъ тебѣ и—на!

Самоваръ фыркаеть паромъ и ворчить:

— Вовсе нѣть. Мы съ ней—сосѣди,
Даже нѣсколько родня:
Оба сдѣланы изъ мѣди,
Но она—тусклый меня,
Эта рыжая лунишка,—
Вотъ на ней какія пятна!

— Ахъ, какой ты хвастушишка,
Даже слушать непріятно!—

зашипѣль чайникъ, тоже выпуская изъ рыльца горячій паръ.

Этотъ маленький самоваръ и вправду очень любилъ хвастаться, онъ считалъ себя умницей, красавцемъ, ему давно уже хотѣлось, чтобы луну сняли съ неба и сдѣлали изъ нея подносъ для него.

Форсисто фыркая, онъ будто не слышалъ, что сказалъ ему чайникъ,—поеть себѣ во всю мочь:

— Фухъ, какъ я горячъ!
Фухъ, какъ я могучъ!
Захочу—прыгну, какъ мячъ,
На луну выше тучъ!

А чайникъ шипитъ свое:

— Вотъ извольте говорить
Съ этакой особой.
Чѣмъ зря воду-то варить,
Ты—прыгни, попробуй!

Самоваръ до того раскалился, что посинѣль весь и дрожитъ, гудить:

— Покиплю еще немножко,
А когда наскучить мнѣ,—
Сразу выпрыгну въ окошко
И женюся на лунѣ!

Такъ они оба все кипѣли и кипѣли, мѣшая спать всѣмъ, кто былъ на столѣ.
Чайникъ дразнить:

— Она тебя круглый.
— Зато въ ней нѣть углей,—

отвѣчаетъ самоваръ.

Синій сливочникъ, изъ котораго вылили всѣ сливки, сказалъ пустой стеклянной сахарницѣ:

— Все пустое, все пустое!
Надоѣли эти двое!
— Да, ихъ болтовня
Раздражаетъ и меня,—

отвѣтила сахарница сладенькимъ голосомъ. Она была толстая, широкая и очень смѣшила, а сливочникъ—такъ себѣ, горбатенькой господинъ унылаго характера съ одной ручкой; онъ всегда говорилъ что-нибудь печальное.

— Ахъ,—сказалъ онъ,—

Всюду—пусто, всюду—сухо,
Въ самоварѣ, на лунѣ.

Сахарница, поежившись, закричала:

— А въ меня залѣзла муха
И щекочетъ стѣнки мнѣ...
Охъ, охъ, я боюсь,
Что сейчасъ засмѣюсь!

— Это будетъ странно—слышать смѣхъ стеклянный,—невесело сказать сливочникъ.

Проснулась чумазая тушилка и зазвенѣла:

— Дзинь! Кто это шипитъ?
Что за разговоры?
Даже китъ ночью спить,
А ужъ полночь скоро!

Но, взглянувъ на самоваръ, испугалась и звенить:

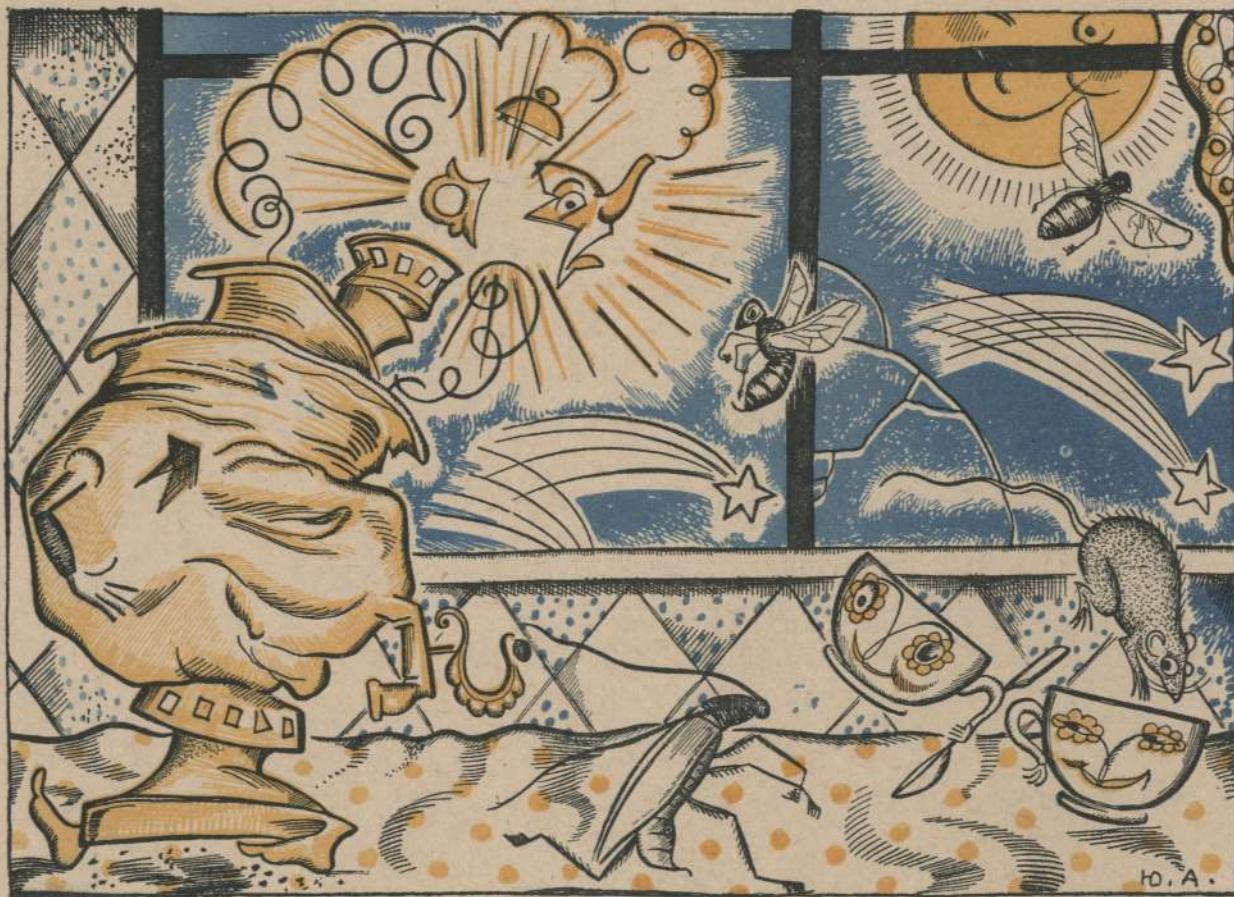
— Ай, люди всѣ ушли
Спать или пляться,
А вѣдь мой самоваръ
Можетъ распаяться!
Какъ они могли забыть
Обо мнѣ, тушилкѣ?
Ну, придется имъ теперь
Почекать затылки!

Туть проснулись чашки и давай дребезжать:

— Мы скромные чашки,
Намъ все все равно!
Всѣ эти замашки
Мы знаемъ давно!
Намъ ни холодно, ни жарко,
Мы привыкли ко всему!
Хвастунъ самоварко,
И не вѣримъ мы ему.

Заворчаль чайникъ:

— Ф-фу, какъ горячо,
Жарко мнѣ отчайно.
Это не случайно,
Это чрезвычайно!

И—лопнуль!

А самоваръ чувствовалъ себя совсѣмъ плохо: вода въ немъ давно вся выкипѣла, а онъ раскалился, кранъ у него отпаялся и повисъ, какъ носъ у пьяного, одна ручка тоже вывихнулась, но онъ все еще храбрился и гудѣлъ, глядя на луну:

— Ахъ, будь она яснѣй,
Не прѣчъся она днемъ,
Я подѣлился бѣ съ ней
Водою и огнемъ!
Она со мной тогда
Жила бы не скучая,
И шель бы дождь всегда
Изъ чая!

Онъ ужъ почти не могъ выговаривать словъ и наклонялся на бокъ, но все еще бормоталъ:

— А если днемъ она должна ложиться спать,
Чтобъ по почамъ свѣтлѣй сіяло ея донце,—
Я могъ бы на себя и днемъ и ночью взять
Обязанности солнца!
И свѣта и тепла землѣ я больше дамъ,
Вѣдь я его и жарче и моложе!
Свѣтить и ночь и день ему не по годамъ,—
А это такъ легко для мѣдной рожи!

Тушилка обрадовалась, катается по столу и звенитъ:

— Ахъ, это очень мило!
Это очень лестно!
Я бы солнце потушила,
Ахъ, какъ интересно!

Но тутъ—кракъ!—развалился самоваръ на кусочки, кранъ клюкнулъ въ полоскатѣльную чашку и разбиль ее, труба съ крышкой высунулась вверхъ, покачалась, покачалась и упала на бокъ, отковоловъ ручку у сливочника; тушилка, испугавшись, откатилась на край стола и бормочетъ:

— Вотъ смотрите: люди вѣчно
Жалуются на судьбу,
А тушилку позабыли
Надѣть на трубу!

А чашки, ничего не боясь, хоочутъ и поютъ:

— Жиль-быть самоваръ,
Маленький, да пылкій,
И однажды не прикрыли
Самоваръ тушилкой!
Былъ въ немъ сильный жаръ,
А воды немногі;
Распаялся самоваръ,—
Туда ему дорога,
Туда и дорога-а!

М. Горкій.
Рисунки Ю. Анненкова.

Какъ ирыгалъ зайчикъ

Ой, какъ тонко-тоненъко
Мишка завизжалъ:
Зайчикъ съ подоконника
Прыгнулъ-побѣжалъ—
Съ няни да на Мишку,
Съ Мишки—на книжку,
Съ книжки—на стѣнку,
Со стѣнки—на колѣнку,
Съ колѣнки да на полъ,
Съ полу—на полку,
Съ полки—на елку,
Прямо въ зубы волку.
Прыгъ! и пропалъ...

Натанъ Венгревъ.

ДЖЕКЪ ПОБѢДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВЪ

АНГЛІЙСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА, СЪ РИСУНКАМИ В. ЗАМІРАЙЛО.

орошо было въ деревнѣ. Люди жили и радовались. Вдругъ откуда-то пришелъ великанъ Корморанъ и поселился въ пещерѣ — страшный, рыжій, зубастый, съ дубиной.

Каждое утро онъ выходилъ на дорогу и кого поймаеть, того

съѣсть: козла, пѣтуха, свинью. Кошку поймаеть — и кошку съѣсть. Схватить человѣка — и въ роть. Одинъ мужикъ везъ дрова на базарь, такъ великанъ Корморанъ сожралъ и его, и кобылу, и дрова, и телъгу, — даже кнута не оставилъ. Жадный былъ обжора несытый.

Мужики боялись его. Они и не думали отнимать у него свое добро, а сами же приносили ему что повкуснѣе:

- Скушайте, господинъ Корморанъ!
- Пріятнаго аппетита, господинъ Корморанъ!
- Не желаете ли еще, господинъ Корморанъ?

И кланялись ему, какъ важному барину. А онъ ходить, злодѣй, по деревнѣ и давить ихъ сапогами, какъ мухъ. А то хлоннетъ по домишкамъ дубиной, домишки вдребезги, а ему хоть бы что. Шла по улицѣ дѣвочка Дженни, такъ онъ, безсовѣстный, и ее проглотилъ, — и какъ не подавился, злодѣй!

Но почему же мужики не прогнали его? Вѣдь если бы всѣ они, сколько ихъ есть, накинулись на него съ топорами, небось, онъ пересталь бы злодѣйствовать, испугался бы, забился бы въ берлогу, но мужики были трусы, но мужики были глупы и стукали лбомъ предъ мучителемъ:

- Скушайте еще, господинъ Корморанъ.

А господину Корморану чего же и нужно. Онъ растолстѣль, разжирѣль, сталъ такой огромный, какъ домъ, ужъ ему лѣнъ повернуться: валяется въ пещерѣ весь день, а вечеромъ проснется и крикнетъ:

*

— Эй ты, мужичокъ, иди-ка сюда, да живѣе, я тебя сейчасъ буду ѿсть.

— Иду, ваша милость, иду,—покорно отзывался несчастный.—Вотъ онъ я, весь предъ тобою! Кушай меня на здоровье!

И жиль бы великанъ Корморанъ тысячу лѣтъ до сегодня и съѣль бы и меня и тебя, если бы не маленький мальчикъ, котораго звали Джекъ.

Джекъ бытъ смѣлый, никого не боялся; онъ рѣшилъ наказать великана, отрубить ему голову, чтобы не смѣль никого обижать.

Такой маленький, какъ же онъ справится съ этакимъ огромнымъ чудовищемъ! Да великанъ его пальцемъ раздавить, дунеть на него—и конецъ: Джекъ улетить, какъ пылинка!

И все же Джекъ спозаранку, чуть свѣтъ, когда всѣ еще спали, взялъ отцову большую лопату, пробрался тихомолкомъ къ пещерѣ, гдѣ жилъ великанъ, и стала тутъ же, у самаго входа, копать большую, глубокую яму. Трудно было

копать: земля мерзлая, пальцы леденѣютъ, лопата вываливается, но Джекъ не унываетъ, копаетъ, копаетъ, копаетъ, копаетъ, не остановится ни на минуту отдохнуть.

Великанъ не спить. Онъ сидитъ въ пещерѣ у костра и доѣдаетъ теленка. Вотъ онъ взялъ огромное полѣно и сталъ ковырять имъ въ зубахъ. Это его зубочистка. А какіе у него страшные зубы! Торчать изо рта, какъ ножи.

У Джека сломалась лопата. Джекъ царапаетъ землю ногтями. Яма все шире, все глубже. Джекъ прикрылъ ее сосновыми вѣтками, а вѣтки засыпалъ снѣжкомъ,—издали и незамѣтно, что яма; кажется, что гладкая земля.

Выкопавъ яму, Джекъ страшно усталъ, но и не подумалъ объ отдыхѣ. Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и крикнулъ:

— Эй ты, Корморашка, вставай, или я откусу тебѣ голову!

И кинулъ камень прямо въ лобъ великому.

Тотъ разозлился и яростно, со страшнымъ ругательствомъ, бросился за Джекомъ изъ пещеры, да бухъ въ яму, на самое дно! Онъ думалъ, что прыгаетъ на гладкую землю, а прыгнулъ въ западню, прикрытую вѣтками.

Онъ и туда и сюда, плачетъ, ругается, грозить кулаками, а Джекъ говорить ему:

— Ты самъ виноватъ. Такъ тебѣ и надо, злодѣю. Ты думалъ, можно мучить людей безнаказанно; вотъ тебѣ награда за твои злодѣянія.

И отрубилъ ему голову.

Когда въ деревнѣ узнали объ этомъ, вотъ радовались, вотъ веселились.

— Онъ нашъ спаситель!—говорили о Джекѣ и обнимали и цѣловали его. А девушки подарили ему шелковый поясъ, на которомъ были вышиты слова:

«Самый сильный, самый смѣлый человѣкъ—

Это Джекъ.

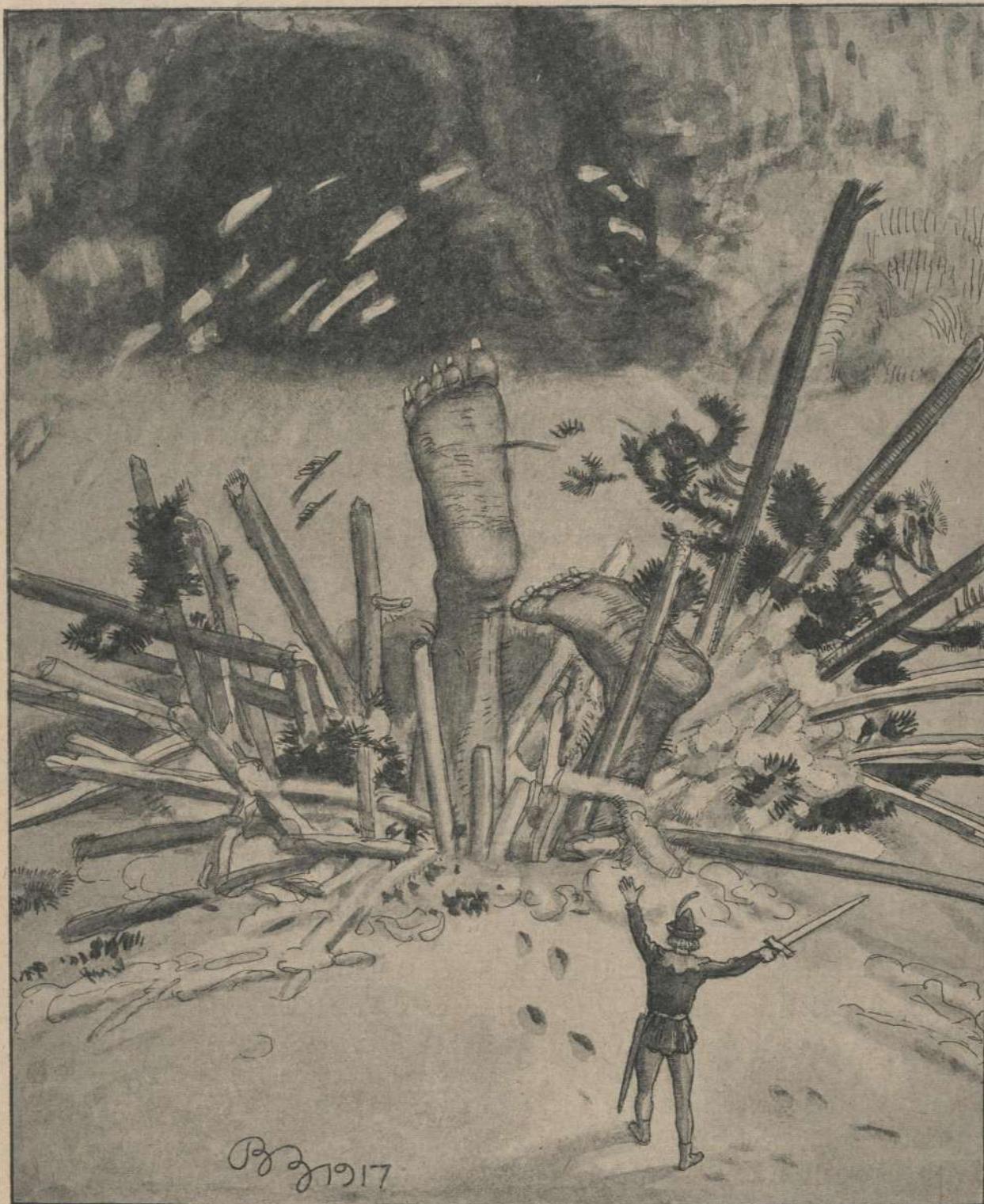
Побѣдилъ онъ великана

Корморана».

Джекъ опоясался этимъ шелковымъ поясомъ, наточилъ свою саблю и ушелъ путешествовать. Очень ему хотѣлось побѣдить и другихъ великановъ, которые мучать и терзаютъ людей. Особенно ненавистенъ ему былъ великанъ Блендерборъ, дядя Корморана,—такой же злодѣй, какъ и племянникъ. Джекъ только о томъ и мечталъ, какъ бы побѣдить Блендербора. Но пришла весна, пришло лѣто, а Блендерборъ не попадался. Вотъ однажды, уставъ отъ духоты и жары, Джекъ кинулся въ канаву и заснуль, а мимо, какъ нарочно, идетъ Блендерборъ. Прочиталъ Блендерборъ, что вышито у Джека на поясѣ, и задумалъ его погубить:

— Я отомщу тебѣ, негодный мальчишка, за моего милаго дядюшку.

Блендерборъ былъ не простой великанъ, а двухголовый: у него были двѣ головы—одна маленькая, другая большая. Онъ вѣчно враждовали другъ съ другомъ и откусили бы другъ-дружкъ носы, если бы великанъ не давалъ имъ щелчковъ. Увидя спящаго Джека, одна голова закричала, что его нужно сварить, а другая—что его нужно изжарить. Отъ злости онъ начали стукаться лбами.

— Сварить! — кричала одна голова.

— Изжарить! — кричала другая.

Увидѣвъ, что Джекъ проснулся, онъ сразу прикусили языки, притворились добрыми и ласковыми и вдругъ тоненькими голосками запѣли:

— Хорошо ли тебѣ, дѣточка, въ канавкѣ?

— Хорошо ли тебѣ, маленький, на травкѣ?

- Мы тебя, голубчика, такъ любимъ.
- Приласкаемъ мы тебя и приголубимъ.
- Мы снесемъ тебя, голубчика, въ постельку.
- Мы тебя уложимъ въ колыбельку.
- Угостимъ тебя мы леденцами.

Туть онъ засмѣялись и шепотомъ сказали другъ-дружкѣ:

- А потомъ покушаемъ и сами.

Онъ думали, что онъ не слыхалъ этихъ словъ, но Джекъ отлично ихъ слышалъ. Онъ понялъ, что злодѣй Блендерборъ замышляетъ взять его къ себѣ во дворецъ—и сѣсть. Онъ попробовалъ улизнуть, но тотъ схватилъ его и сунулъ въ карманъ. Принесъ къ себѣ во дворецъ, вынуль изъ кармана и положилъ на кровать.

- Спокойной ночи, дѣточка!—сказала одна голова.
- Пріятныхъ сновидѣній, малюточка!—сказала другая.

Обѣ онъ ласково поклонились ему, но Джекъ слышалъ, какъ онъ говорили за дверью: «когда этотъ мальчишка уснетъ, цокнемъ его дубиной по головѣ, положимъ въ кастрюльку и сваримъ».

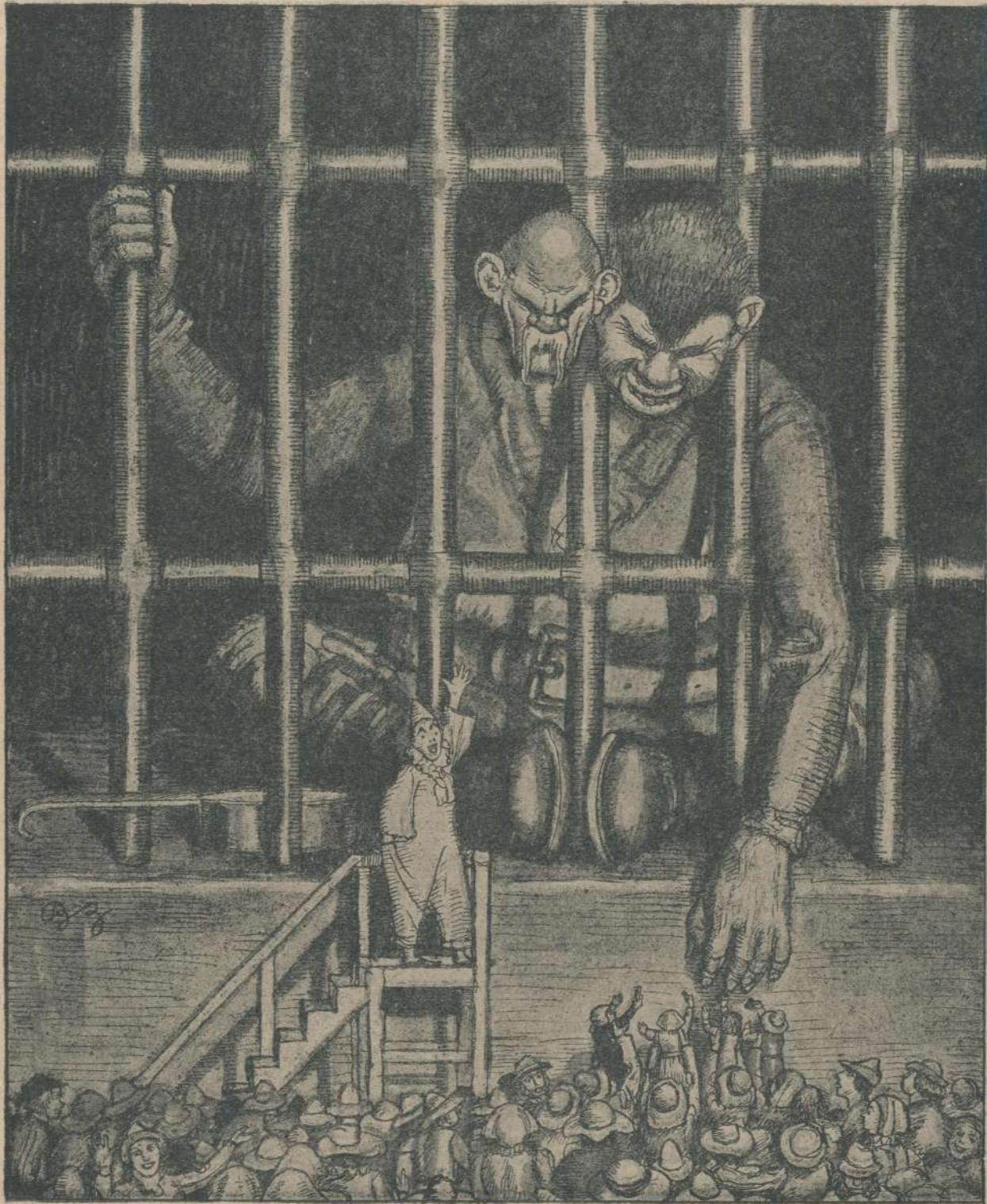
- Нѣтъ, изжаримъ!
- Нѣтъ, сваримъ!

Джекъ вскочилъ на ноги и стала въ ужасѣ бѣгать по комнатѣ. Убѣжать бы! Но комната заперта. И вдругъ онъ придумалъ хитрую штуку. Вотъ здорово! Онъ спрячется тутъ за печкой, а на кровать положить, вмѣсто себя, вотъ это полѣно изъ печки: оно какъ-разъ такого роста, какъ онъ. Сказано—сдѣлано: полѣно лежитъ на кровати, Джекъ укрываетъ его одѣяломъ, а самъ прячется за печкой и ждетъ. Вотъ послышались шаги великана, весь дворецъ задрожалъ, какъ коробочка. Въ рукахъ у великана дубина, онъ подкрался къ Джекиной кровати и какъ хлопнетъ по полѣну: разъ! разъ! Перебилъ полѣно пополамъ, а Джекъ сидѣть себѣ за печкой невредимый.

— Наконецъ-то я покончилъ съ мальчишкой!—весело сказалъ великанъ и ушелъ, а дверей не закрылъ. Джекъ пробрался къ великану въ спальню. Тотъ лежалъ на кровати и спалъ. Джекъ засунулъ руку подъ подушку и вытащилъ большой желѣзный ключъ, на которомъ было написано: *ключъ отъ подвала*. Джекъ давно уже зналъ, что у великана въ подвалѣ дворца томится въ неволѣ прекрасная принцесса Монесса; онъ побѣжалъ въ подземелье, выпустилъ принцессу на волю, а самъ скорѣй въ опочивальню и заснулъ.

Утромъ онъ проснулся, умылся и входить въ покой къ великану. Великанъ какъ увидѣлъ его, задрожалъ. Неужели это Джекъ? Откуда? Вѣдь онъ самъ своею рукою раздробилъ ему черепъ дубиной:

- Ты живой! Ты не умеръ?
- Съ чего же мнѣ умирать!—сказалъ Джекъ.
- А ночью... ты не чувствовалъ ударовъ?
- Пустяки!—сказалъ Джекъ,—пробѣжала какая-то мышка, хлопнула меня по носу хвостикомъ—и уѣжала.

«Ну и силач!»—подумалъ великанъ.—«Не даромъ онъ побѣдилъ Корморана. Для него моя дубина—все равно что мышкінъ хвостъ. Онъ гораздо сильнѣе меня».

Пошелъ великанъ въ подземелье, а принцессы Монессы нѣть: Джекъ освободилъ ее изъ плѣна. «Должно быть, этотъ Джекъ чародѣй»,—подумалъ великанъ, оторопѣвъ; побѣжалъ къ Джеку, да бухъ на колѣни:

— Не погуби, пощади, больше не буду, ей-Богу.

— Не божись! — сказалъ Джекъ, — я и такъ тебѣ вѣрю. Встань, я дарю тебѣ жизнь. Но помни: если ты обидишь хоть одного человѣка, я отрублю тебѣ обѣ твои головы.

И повель великана въ городъ. Тотъ шелъ за нимъ, какъ маленький ребенокъ. Джекъ привелъ его на ярмарку къ содержателю цирка, который посадилъ его въ клѣтку и сталъ показывать дѣтямъ. Дѣти очень полюбили великана, кормили его сахаромъ, изюмомъ, гладили его по головамъ.

А Джека позвалъ къ себѣ старый король, отецъ прекрасной принцессы Монессы.

— Ты спасъ мою дочь, — сказалъ онъ. — Возьми же ее себѣ въ жены.

Но Джекъ отвѣтилъ:

— Спасибо, не надо. Не охота мнѣ жениться на принцессѣ. Я женюсь на свинопасовой дочкѣ.

Вотъ была свадьба! Пировали всю ночь, а потомъ пошли къ великановой клѣткѣ и стали кормить великана пряниками.

Пересказалъ К. Чуковскій.

О ГЛУПОМЪ ЦАРЬ

НОРВЕЖСКАЯ СКАЗКА. РИСУНКИ В. ХОДАСЕВИЧЪ. ПЕРЕСКАЗЪ К. ЧУКОВСКАГО

В.Х.

ильтъ-быль Петеръ, безъ отца, безъ матери. Онъ варилъ себѣ кашу. Вдругъ видитъ: идетъ къ нему царь. Вздумалъ Петеръ подшутить надъ царемъ: вытащилъ изъ печки котель, въ которомъ варила каша, поставилъ котель на полъ, а самъ сѣлъ у котла и запѣль:

— Варись, моя каша,
Безъ огня, безъ жару,
Для мышатъ, для котятъ,
Для мохнатыхъ чертенятъ.

Царь вошелъ въ избу и удивился:

- Что это ты, Петеръ, сидишь на полу?
- Кашу варю,—отвѣчаетъ Петеръ.—Видишь, булькаетъ, сейчасъ закипитъ.
- А гдѣ же огонь? гдѣ же печка?
- А я безъ огня,—отвѣчаетъ Петеръ.—Поставлю ее на полъ, и кипитъ.

На огнѣ всякий дуракъ сварить кашу, а ты попробуй, свари безъ огня!

*

— Безъ огня!

— Смотри самъ.

Сѣль царь на корточки, смотрить: каша и вправду кипитъ—булькаеть въ горячемъ котлѣ!

Сунулъ царь палецъ, обжегся.

— Вотъ такъ чудо!—удивляется царь.—Что это у тебя за чудесный котель?

— Заколдованный!—отвѣчаетъ Петеръ.—Сыпь въ него что хочешь, ставь его на голой землѣ, все сварить, и печки не надо.

У царя отъ жадности даже слюна потекла. Ласково посмотрѣлъ онъ на Петера:

— Продай мнѣ, Петруша, этотъ котель.

— Нѣть, не продамъ, не могу. Не охота мнѣ за дровами ходить.

— Ну, пожалуйста.

— Нѣть, ни за что.

Долго упрашивалъ царь. Наконецъ Петеръ согласился. Высыпалъ кашу въ горшокъ, подалъ царю пустой котель и сказалъ:

— Сыпь сюда золота до самаго верху. Золото—мнѣ, а котель—тебѣ.

Царь отвалилъ ему золота, схватилъ котелокъ и бѣгомъ.

Прибѣжалъ во дворецъ, созвалъ своихъ вельмож и говорить:

— Вотъ сейчасъ я угощу васъ обѣдомъ, какого вы не ъли никогда!

Вельможи обрадовались: они были очень голодные.

Царь поставилъ котель посрединѣ дворца, навалилъ туда сала, картошки, налилъ воды, накрылъ крышкой и ждетъ, что вотъ-вотъ закипитъ. Ходить надъ котломъ и улыбается.

Вельможи улыбаются тоже: давно они не ъли картошки.

Но проходитъ часть, проходить два, а картошка и не думаетъ вариться. Вода въ котлѣ ледяная-холодная.

Царь поминутно подбѣгаєтъ къ котлу, трогаетъ его справа и слѣва, а котель холоднѣе, чѣмъ былъ.

Вельможи съ голоду хмурятся, дуются: не доведется имъ сегодня обѣдать.

Люди заглядываютъ въ окна дворца и гогочутъ.

Понялъ царь, что Петеръ насмѣялся надъ нимъ,—какъ подбѣжитъ къ котлу, какъ ткнетъ его со всего размаха ногой, картошка такъ и разсыпалась по полу, а самъ замахалъ кулаками и безъ шапки—бѣгомъ—прямо къ Петеру.

— Вотъ я тебѣ покажу! Погоди!

II.

А Петеръ взялъ пистолетъ, зарядилъ его клюковой и сказалъ своей сестрѣ Катеринѣ:

— Я ложусь спать. И смотри, чтобы меня не будили. Кто разбудить, того застрѣлю.

Легъ на кровать и хранилъ.

Тутъ вѣжаль въ избу царь, разьяренный. Машетъ руками, ореть:

— Гдѣ этотъ обманщикъ? Гдѣ злодѣй?

— Тише, ваша милость, мой братъ почиваеть,—шепотомъ говорить Катерина.—Пожалуйста, не будите его.

— Разбудить негодяя сю же минуту!—заревѣлъ иступленный царь.

— Рада бы, да не смѣю: убеть.

— А не разбудишь, такъ убью тебя я!

Нечего дѣлать, подошла Катерина къ кровати и крикнула:

— Петеръ, вставай!

Вскочилъ Петеръ на ноги и хлопъ!—выстрѣлилъ въ сестру изъ пистолета, Сестра такъ и грохнулась на полъ. Изъ раны у нея хлынула кровь: на самомъ дѣлѣ то была не кровь, а клоквенный соекъ, потому что Петеръ зарядилъ свой пистолетъ не пулей, а клоквой,—но царь не зналъ объ этомъ и за-вопилъ:

— Что ты надѣлалъ? Убийца! Ты убилъ свою родную сестру!

— Не бѣда! Не беспокойся,—сказалъ Петеръ.—Я могу ее и воскресить.

— Да вѣдь она умерла!

— Ну такъ что жъ. Вотъ смотри: я достаю изъ кармана волшебную дудочку. играю на ней тра-та-та, и сестра моя поднимается съ полу и танцуетъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Онъ заигралъ тра-та-та и лукаво подмигнулъ своей сестрѣ.

Та вскочила и пошла танцевать.

— Продай эту волшебную дудочку мнѣ,—взмолился одураченный царь.

Долго не соглашался Петеръ, наконецъ продалъ царю самодѣлковую камышевую дудочку за тысячу тысячъ рублей.

Царь сунулъ дудку въ карманъ и весело побѣжалъ во дворецъ. А на-встрѣчу ему царица, сварливая, злая старуха. Стала она кричать на царя, вѣпѣлась ему въ бороду, отхлестала его по щекамъ; онъ разозлился, схватилъ пистолетъ и хлопъ изъ пистолета въ нее.

Царица такъ и грохнулась наземь.

— Что вы надѣлали?—закричали вельможи.—Вы застрѣлили царицу!

— Не бѣда,—отвѣчаетъ царь,—пустяки. Я могу вѣдь ее воскресить.

— Да она умерла!

— Ну такъ что же? Вотъ смотрите: я достаю изъ кармана волшебную дудочку, играю на ней тра-та-та... и царица поднимается съ полу.

Но какъ онъ ни старался, какъ ни дуль, мертвая лежала и не двигалась. У царя чуть не лопнули щеки, чуть не выскошили глаза изо лба, такъ онъ сильно дуль свою дудку, а убитая жена не воскресла.

Понялъ царь, что Петеръ опять насмѣялся надъ нимъ, и въ бѣшенствѣ бросился къ Петеру.

А Петеръ стоять на порогѣ избы, ухмыляется.

— Связать этого молодца!—крикнулъ царь.—И посадить его въ бочку! Пусть знаетъ, какъ смѣяться надо мною.

Вельможи схватили Петера, поволокли его на высокую гору, посадили въ дубовый боченокъ, наглухо заколотили и ушли.

Завтра, чуть свѣтъ, придетъ царь—и толкнетъ его ногою прямо въ море!
Но Петеръ и не думаетъ плакать. Онъ весело и лихо поетъ:

— Какъ я радъ, какъ я радъ,
Что вы всѣ пойдете въ адъ.
Я же въ небо укачу,
Прямо въ рай улечу.

Шелъ мимо богатый старики. Смолоду онъ былъ большой грѣшникъ и зналъ, что не миновать ему ада. А ему, конечно, хотѣлось въ рай. Онъ только

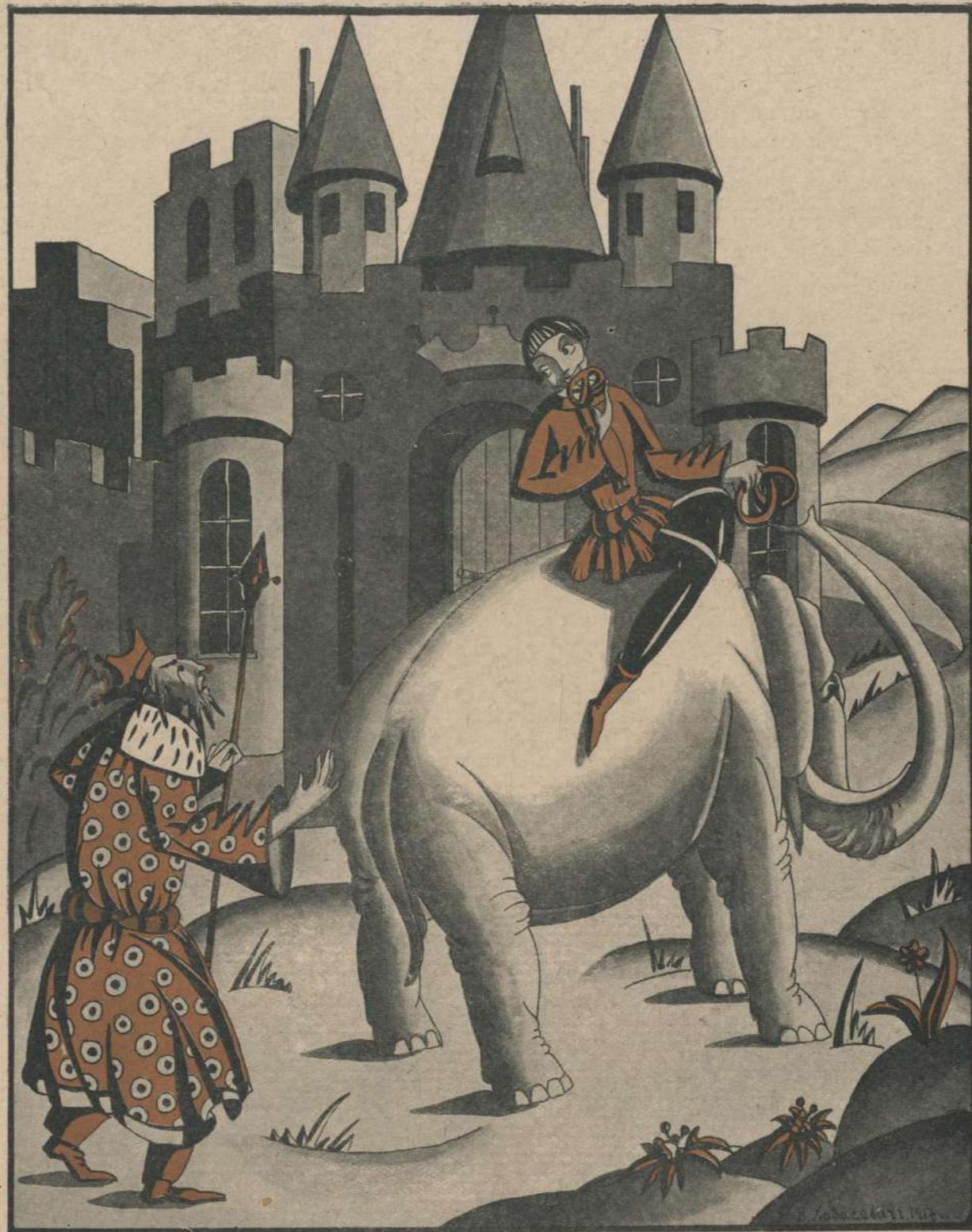
и думалъ о томъ, какъ бы попасть ему въ рай. Услышалъ онъ Петерину пѣсню подошелъ къ боченку и спрашиваетъ:

— А откуда ты знаешь, что попадешь въ рай?

— Развѣ ты не видишь,—отзываются Петеръ,—что этотъ боченокъ волшебный. Онъ сдѣланъ изъ райскаго дерева. Посади въ него самаго лютаго грѣшника, и тотъ полетитъ прямо въ рай. Я нарочно залѣзъ въ него, чтобы очутиться въ раю.

— Да не можетъ быть!—закричалъ грѣшникъ, и даже руки у него задрожали.—Пусти меня въ эту бочку.

— Что ты, что ты!—возражаетъ Петеръ.—Боченокъ тѣсный, не помѣститься вдвое.

— Ну такъ, голубчикъ, выходи изъ боченка. Я дамъ тебъ все, что захочешь.

— Что же ты дашь?

Старикъ быль богаче царя. Онъ выпустилъ Петера изъ бочки и далъ Петеру всѣ свои сады и дворцы, всѣхъ своихъ слоновъ и верблюдовъ—и съ радостью залѣзъ въ бочку самъ:

— Скоро я буду въ раю.

Петерь забылъ его наглухо и, спрятавшись за кусточкомъ, видѣлъ, какъ утромъ, чуть свѣтъ, прибѣжалъ въ одномъ халатикѣ царь, толкнулъ бочку ногой, и бочка покатилась прямо въ море.

— Наконецъ-то я покончилъ съ Петеромъ! — радостно сказалъ царь и побѣжалъ обратно во дворецъ.

Прибѣгаешь къ крыльцу, а у крыльца стоять слонъ. На слонѣ сидить Петерь и уплетаетъ разсыпчатый крендель.

Царь такъ удивился, что даже ротъ отъ удивленія разинулъ.

— Откуда ты взялся, Петерь? Откуда у тебя этотъ слонъ?

— А съ морского дна,—отвѣчаетъ Петерь.—Тамъ слоновъ безъ счету, бери, сколько хочешь.

— Да не можетъ быть!

— Ну, конечно. Кто же этого не знаетъ! Тамъ, подъ водою, сидить царь Элефантъ, онъ велѣлъ тебѣ кланяться и зоветь тебя къ себѣ погостить. Онъ дастъ тебѣ слона какого хочешь: зеленаго, синяго, розоваго.

Царь даже подпрыгнулъ отъ радости. Онъ былъ очень жадный и любилъ, когда ему дарили слоновъ.

— Милый Петерь, посади меня скорѣе въ бочку, я ўду къ морскому царю.

И бросился бѣгомъ на высокую гору и самъ залѣзъ въ бочку, но, какъ ни сжимался, ни ежился, бочка была для него слишкомъ мала. Корона торчала наружу и мѣшала царю помѣститься въ бочекъ. Тогда онъ снялъ корону, надѣль на Петера и сказалъ:

— Носи ее, пока не вернусь. Да смотри, чтобы она не пропала.

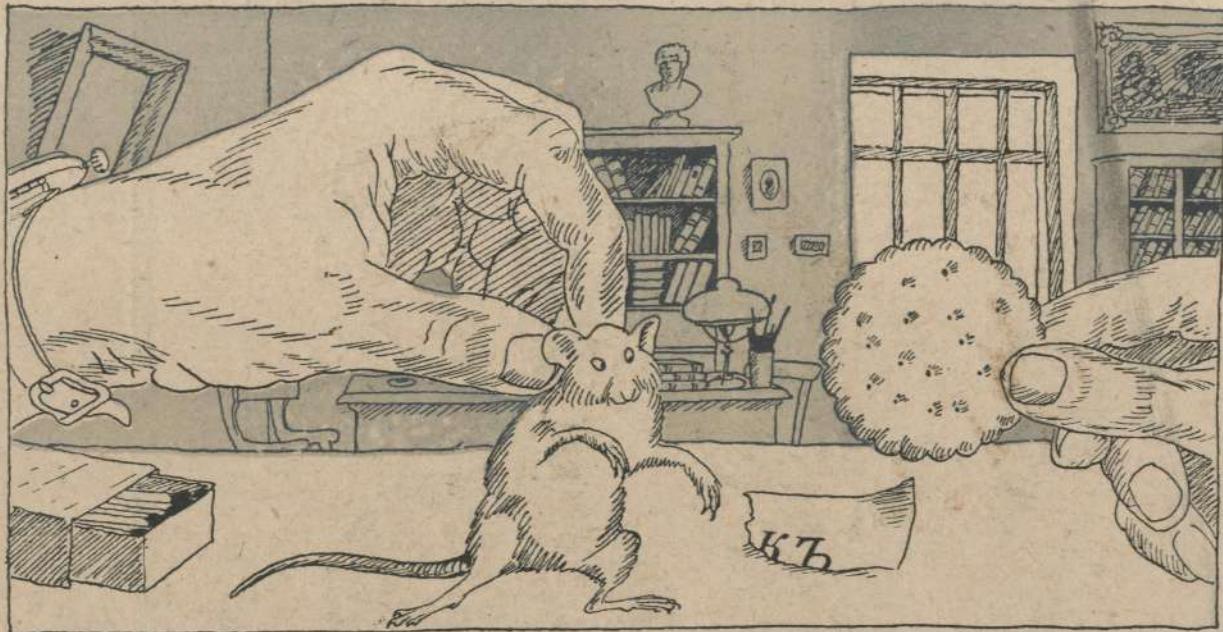
— Не бойсь, не пропадетъ! — отвѣчалъ ему Петерь, толкнуль бочку сапогомъ и ушелъ.

Люди увидѣли Петера въ коронѣ и закричали: «онъ царь!»

И стала Петерь царемъ, и всѣ радовались, что избавились отъ глупаго царя. Особенно ликовали вельможи: давно они не ъели картошки.

Пересказаць К. Чуковскій.

РАЗГОВОРЪ ЧЕЛОВѢКА СЪ МЫШКОЙ, КОТОРАЯ ЪСТЬ ЕГО КНИГИ

Мой милый Книжникъ, ты совсѣмъ
Опять изгрызъ два тома. Ловокъ!
Не стыдно ль пользоваться тѣмъ,
Что не люблю я мышеловокъ?

Хоть бы съ меня примѣръ ты бралъ!
Я день-денской читаю книжки,
Но развѣ ты хоть разъ видаль,
Что я грызу ихъ, какъ коврижки?

Изъ книгъ мы знаемъ, какъ живутъ
Индѣйцы, негры, эскимосы;
Въ журналахъ люди задаютъ
Другъ другу умные вопросы:

Гдѣ путь въ Америку лежить?
Какъ ближе: моремъ или сушей?
Ну, словомъ,— вотъ тебѣ бисквитъ,
А книгъ пожалуйста не кушай.

Владиславъ Ходасевичъ.

БЛОШКИ

Веселенькия блошки,
Двѣ блошки-быстроноожки,
Сегодня поутру
Затѣяли игру...

Играли, танцевали,
Ныряли въ одѣялъ,
И скокъ себѣ да скокъ
На Викушкинъ чулокъ...

Лежаль чулокъ на стулѣ—
Здѣсь блошки отдохнули...
И дальше прыгъ-прыгъ
На нянинъ воротникъ...

Вотъ здѣсь пошло веселье:
На ухо нянѣ сѣли,
И ну играть-скакать
На сѣденькую прядь!..

Смѣются и хоочутъ
Ей за-ухомъ щекочутъ...

Вдругъ...
Карауль!
Няня—за ухо
(Ишь ты, старуха!)
Блошекъ—ловить!
Хватать! Давить!
А тѣ—изъ-подъ руки
Да на стулъ
Подъ чулокъ—
И... молчокъ!..

Натанъ Венгроеvъ.

*

Радаковъ.

ЗВЪРИ ДЛЯ ХОРОШИХЪ ДѢТЕЙ.

Радаковъ.

ЗВѢРИ ДЛЯ НЕХОРОШИХЪ ДѢТЕЙ.

КАКЪ ПРОПАЛА БАБА-ЯГА

СКАЗКА Н. ЛЮБАВИНОЙ, ИЛЛ. Б. ПОПОВА.

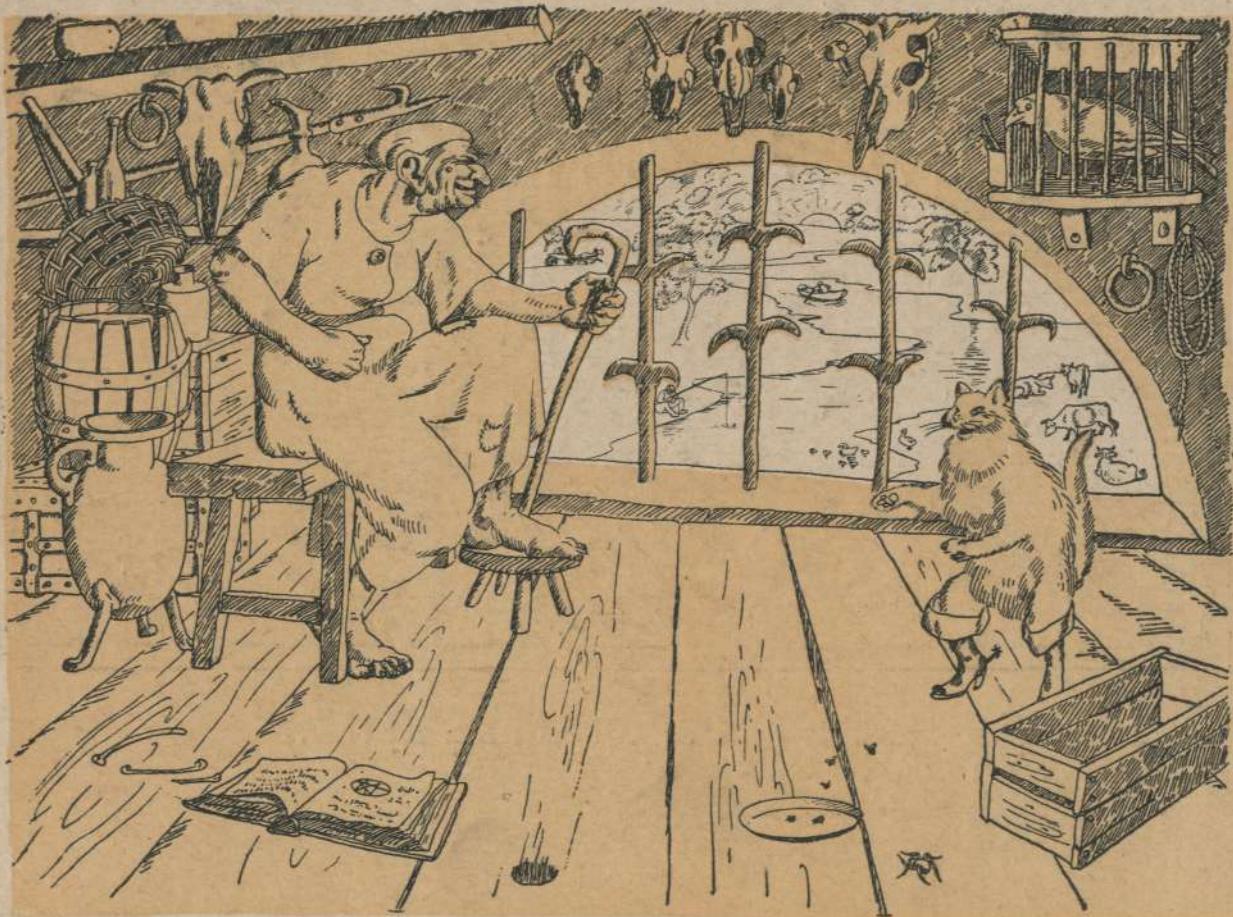
Жила-была Баба-Яга. Злощая. Жила она одна въ высокой башнѣ.

Пуще всего не любила она маленькихъ дѣтей. Увидять ее дѣти, и ну плакать, а она ихъ цапъ-царапъ! И съѣсть. Не терпѣла Баба-Яга дѣтскаго плача.

Вотъ однажды пришель къ башнѣ маленький мальчикъ. Быть онъ весь кругленький, точно апельсинъ. И щеки у него были красныя, какъ два королька.

Видѣть мальчикъ: въ окошкѣ Баба-Яга сидитъ, а около нея котъ вертится. Не долго думая, взлѣзъ мальчикъ на башню.

Посмотрѣль онъ на Бабу-Ягу. Увидѣль, что у нея на концѣ носа волосокъ завивается, да какъ начнетъ смѣяться, такъ что даже на полѣ отъ смѣха свалился. И катается по полу, смѣется и катается.

Хочеть Баба-Яга схватить его,—а мальчикъ у нея изъ-подъ рукъ катится, какъ апельсинъ.

Она за нимъ, а онъ смѣется, и дальше.

Она за нимъ, а онъ еще дальше.

А за ними, за обоими, котъ вприпрыжку...

Ловила Баба-Яга мальчика, ловила да и сама давай смѣяться. Насмѣявшись вдоволь, всталъ мальчикъ, подошелъ къ Бабѣ-Ягѣ и говорить:

— Какая ты Баба-Яга?! Смѣешься! Я тебя не боюсь!

Сунулъ руки въ карманы и пошелъ.

— Нѣть никакой Бабы-Яги!

Перестали съ тѣхъ порь дѣти бояться Бабы-Яги. Что это за Яга—смѣшная! Заросли дорожки къ ея башнѣ. Сама башня пропала, а Баба-Яга большой зеленой птицей улетѣла за тридевять морей въ тридесятное царство.

Г.В.

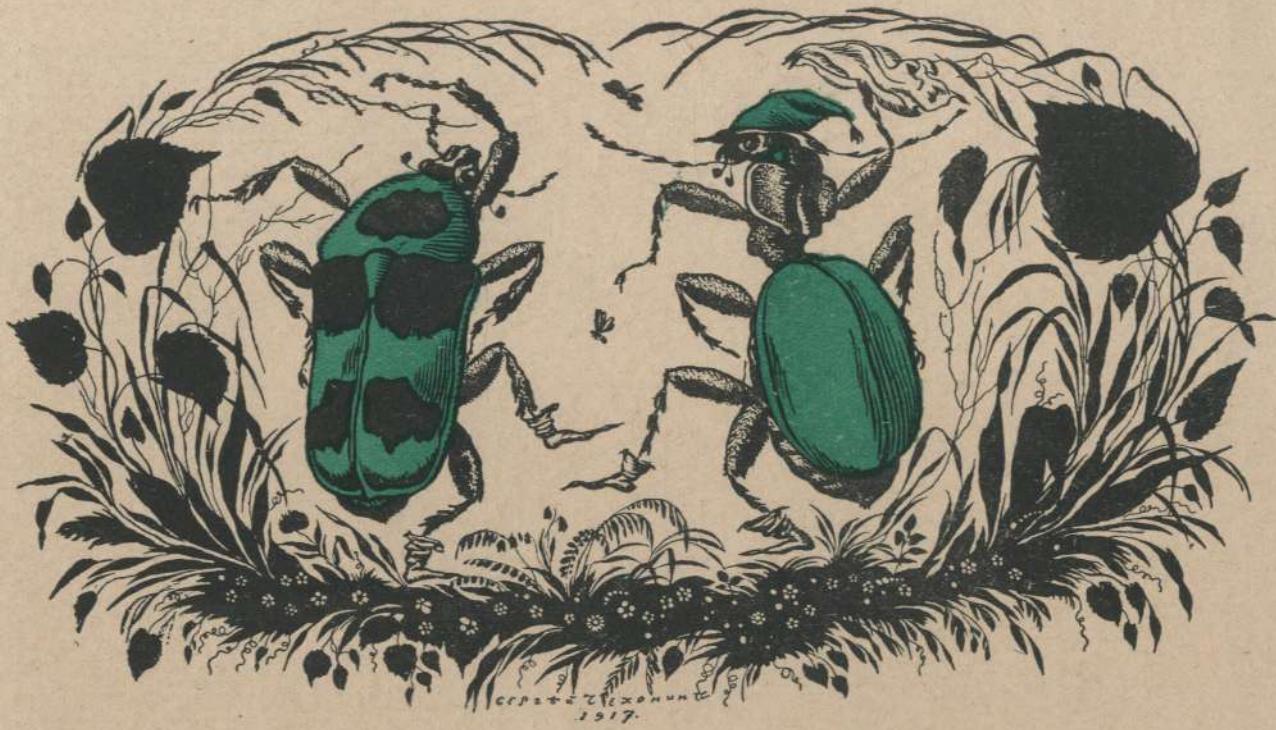
МОЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Погляди, какая злючка!
Нось, какъ закорючка!
На затылкѣ—хвостъ мышиный!
Зубы—въ три аршина!
Только и знает,—
Шпыняетъ:

- Котенка не гладь!
- Мухъ не считай!
- Пиши въ тетрадь
- Слова на «ять»!
- Читай! Читай! Читай! Читай!

А мнѣ бы на дворъ, да въ рощицу!
А на солнцѣ утёнокъ полощется...
А въ окошко
Кошка
Пробирается.

- А она опять придирается:
- Въ окно не гляди!
- Подъ столъ не лѣзь!
- Сиди
- Здѣсь!
- У.... у! Противная!

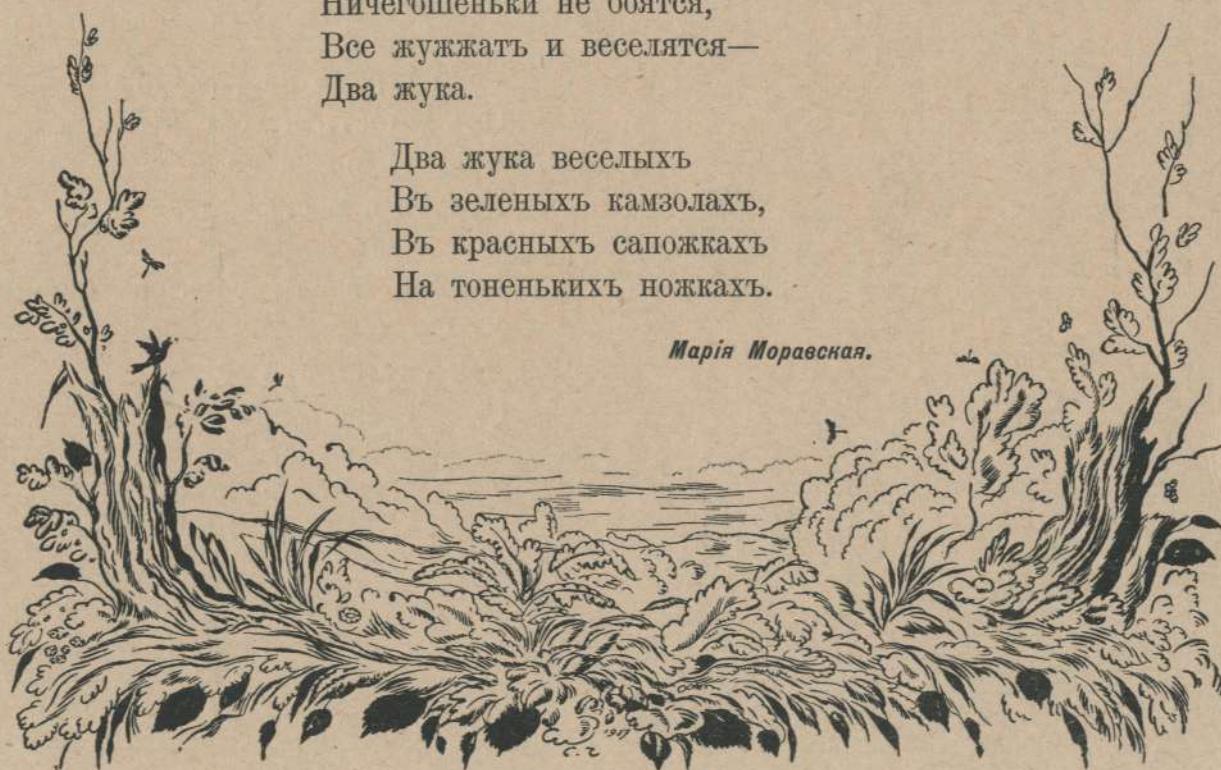

ДВА ЖУКА

Жили-были два жука,
Два жука.
Жизнь у нихъ была легка:
Пляшутъ, взявшись за бока,
Полевого трепака,
Дразнятъ осъ и паука.
Ничегошеньки не боятся,
Все жужжать и веселятся—
Два жука.

Два жука веселыхъ
Въ зеленыхъ камзолахъ,
Въ красныхъ сапожкахъ
На тоненькихъ ножкахъ.

Мария Моравская.

Трубочистъ

Кто пришелъ? Трубочистъ.
Для чего? Чистить трубы.
Чернощекій, бѣлозубый,
А въ рукѣ огромный хлыстъ...

Сбоку ложка, какъ для супа.
Кто навралъ, что онъ—злодѣй?
Въ свой мѣшокъ кладеть дѣтей?
Это очень даже глупо!

Онъ совсѣмъ, совсѣмъ не страшный:
Сажу высыпалъ на жесть,
Бубликъ вытащилъ вчерашній—
Будеть Ѣсть.

Рано утромъ на разсвѣтѣ
Онъ встаетъ и кофе пьетъ,
Чистить пятна на жилетѣ,
Курить и поеть.

Видишь, вотъ береть онъ шапку.
Улыбнулся. Видишь, да?
Дай ему скорѣе лапку!
Сажу смоешь,—не бѣда.

Саша ЧерныЙ.

ПРО ИВАНУШКУ ДУРАЧКА

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Жиль-был Иванушка-Дурачокъ, собою красавецъ, а что ни сдѣлаетъ, все у него смѣшно выходить не такъ, какъ у людей.

Нанялъ его въ работники одинъ мужикъ, а самъ съ женой собрался въ городъ; жена и говорить Иванушкѣ:

*

— Останешься ты съ дѣтьми, гляди за ними, накорми ихъ!

— А чѣмъ?—спрашиваетъ Иванушка.

— Возьми воды, муки, картошки, покроши да свари—будетъ похлебка!

Мужикъ приказываетъ:

— Дверь стереги, чтобы дѣти въ лѣсь не убѣжали!

Уѣхалъ мужикъ съ женой; Иванушка влѣзъ на полати, разбудилъ дѣтей, стащилъ ихъ на поль, самъ сѣлъ сзади ихъ и говорить:

— Ну, вотъ, я гляжу за вами!

Посидѣли дѣти нѣкоторое время на полу,—запросили Ѵсть; Иванушка втащилъ въ избу кадку воды, насыпалъ въ нее полмѣшка муки, мѣру картошки, разболталъ все коромысломъ и думаетъ вслухъ:

— А кого крошить надо?

Услыхали дѣти,—испугались:

— Онъ, пожалуй, нась искрошить!

И тихонъко убѣжали вонъ изъ избы.

Иванушка посмотрѣль вслѣдъ имъ, почесаль затылокъ,—соображаетъ:

— Какъ же я теперь глядѣть за ними буду? Да еще дверь надо стеречь, чтобы она не убѣжала!

Заглянулъ въ кадушку и говорить:

— Варись, похлебка, а я пойду за дѣтьми глядѣть!

Снялъ дверь съ петель, взвалилъ ее на плечи себѣ и пошелъ въ лѣсь; вдругъ навстрѣчу ему Медвѣдь шагаетъ—удивился, рычитъ:

— Эй, ты, зачѣмъ дерево въ лѣсъ несешь?

Разсказалъ ему Иванушка, что съ нимъ случилось,—Медвѣдь сѣлъ на заднія лапы и хохочеть:

— Экой ты дурачокъ! Вотъ я тебя сѣмъ за это!

А Иванушка говорить:

— Ты лучше дѣтей сѣйшь, чтобъ они въ другой разъ отца-матери слушались, въ лѣсъ не бѣгали!

Медвѣдь еще сильнѣй смѣется, такъ и катается по землѣ со смѣху!

— Никогда такого глупаго не видалъ! Пойдемъ, я тебя женѣ своей покажу!

Повелъ его къ себѣ въ берлогу. Иванушка идетъ, дверью за сосны задѣваетъ.

— Да брось ты ее!—говорить Медвѣдь.

— Нѣть, я своему слову вѣренъ: обѣщаю стеречь, такъ ужъ устерегу!

Пришли въ берлогу. Медвѣдь говоритъ женѣ:

— Гляди, Маша, какого я тебѣ дурачка привелъ! Смѣхота!

А Иванушка спрашиваетъ Медвѣдицу:

— Тетя, не видала ребятишекъ?

— Мои—дома, спяты.

— Ну-ка, покажи, не мои ли это?

Показала ему Медвѣдица трехъ медвѣжатъ; онъ говорить:

— Не эти, у меня двое было.

Туть и Медвѣдица видить, что онъ глупенький, тоже смѣется:

- Да вѣдь у тебя человѣччи дѣти были!
- Ну, да,—сказалъ Иванушка,—разберешь ихъ, маленькихъ-то, какіе чьи!
- Вотъ забавный!—удивилась Медвѣдица и говорить мужу:
- Михайло Потапычъ, не станемъ его Ѳсть, пусть онъ у насъ въ работникахъ живеть!

— Ладно,—согласился Медвѣдь,—онъ хоть и человѣкъ, да ужъ больно безобидный!

Дала Медвѣдица Иванушкѣ лукошко, приказываетъ:

— Поди-ка, набери малины лѣсной,—дѣтишки проснутся, я ихъ вкусненькимъ угощу!

— Ладно, это я могу!—сказалъ Иванушка.—А вы дверь постерегите!

Пошелъ Иванушка въ лѣсной малинникъ, набралъ малины полное лукошко, самъ досыта наѣлся, идетъ назадъ къ Медвѣдямъ и поетъ во все горло:

— Эхъ, какъ неловки
Божія коровки!
То ли дѣло—муравьи
Или ящерицы!

Пришелъ въ берлогу, кричитъ:

— Вотъ она, малина!

Медвѣжата подбѣжали къ лукошку, рычатъ, толкаютъ другъ друга, кувыркаются,—очень рады!

А Иванушка, глядя на нихъ, говоритъ:

— Эх-ма, жаль, что я не Медвѣдь, а то и у меня дѣти были бы!

Медвѣдь съ женой хохочутъ.

— Ой, батюшки мои!—рычитъ Медвѣдь—да съ нимъ жить нельзя, со смѣху помрешь!

— Вотъ что,—говорить Иванушка,—вы туть постерегите дверь, а я пойду ребятишекъ искать, не то хозяинъ задастъ мнѣ!

А Медвѣдица просить мужа:

— Миша, ты бы помогъ ему!

— Надо помочь,—согласился Медвѣдь,—ужъ очень онъ смѣшной!

Пошелъ Медвѣдь съ Иванушкой лѣсными тропами, идутъ—разговариваютъ по-пріятельски:

- Ну и глупый же ты!—удивляется Медвѣдь, а Иванушка спрашиваетъ его:
- А ты—умный?
- Я-то?
- Ну да!
- Не знаю.
- И я не знаю. Ты—злой?
- Нѣть. Зачѣмъ?

— А по-моему—кто золь, тотъ и глупъ. Я, вотъ, тоже не злой. Стало быть, оба мы съ тобой не дураки будемъ!

— Ишь ты, какъ вывелъ!—удивился Медвѣдь.

Вдругъ—видять: сидять подъ кустомъ двое дѣтей, уснули.

Медвѣдь спрашиваетъ:

— Это твои, что ли?

— Не знаю,—говорить Иванушка,—надо ихъ спросить. Мои—ѣсть хотѣли. Разбудили дѣтей, спрашиваютъ:

— Хотите єсть?

Тѣ кричатъ:

— Давно хотимъ!

— Ну,—сказалъ Иванушка,—значить, это и есть мои! Теперь я поведу ихъ въ деревню, а ты, дядя, принеси, пожалуйста, дверь, а то самому мнѣ некогда, мнѣ еще надобно похлебку варить!

— Ужъ ладно!—сказалъ Медвѣдь.—Принесу!

Идеть Иванушка сзади дѣтей, смотрить за ними въ землю, какъ ему приказано, а самъ поетъ:

— Эхъ, вотъ такъ чудеса!

Жуки ловятъ зайца.

Подъ кустомъ сидить лиса,

Очень удивляется!

Пришелъ въ избу, а ужъ хозяева изъ города воротились, видять: посреди избы кадушка стоитъ, доверху водой налита, картошкой насыпана да мукой, дѣтей нѣть, дверь тоже пропала,—сѣли они на лавку и плачутъ горько.

— О чѣмъ плачете?—спросилъ ихъ Иванушка.

Тутъ увидали они дѣтей, обрадовались, обнимаютъ ихъ, а Иванушку спрашиваютъ, показывая на его стряпню въ кадкѣ:

— Это чего ты надѣлалъ?

— Похлебку!

— Да развѣ такъ надо?

— А я почему знаю—какъ?

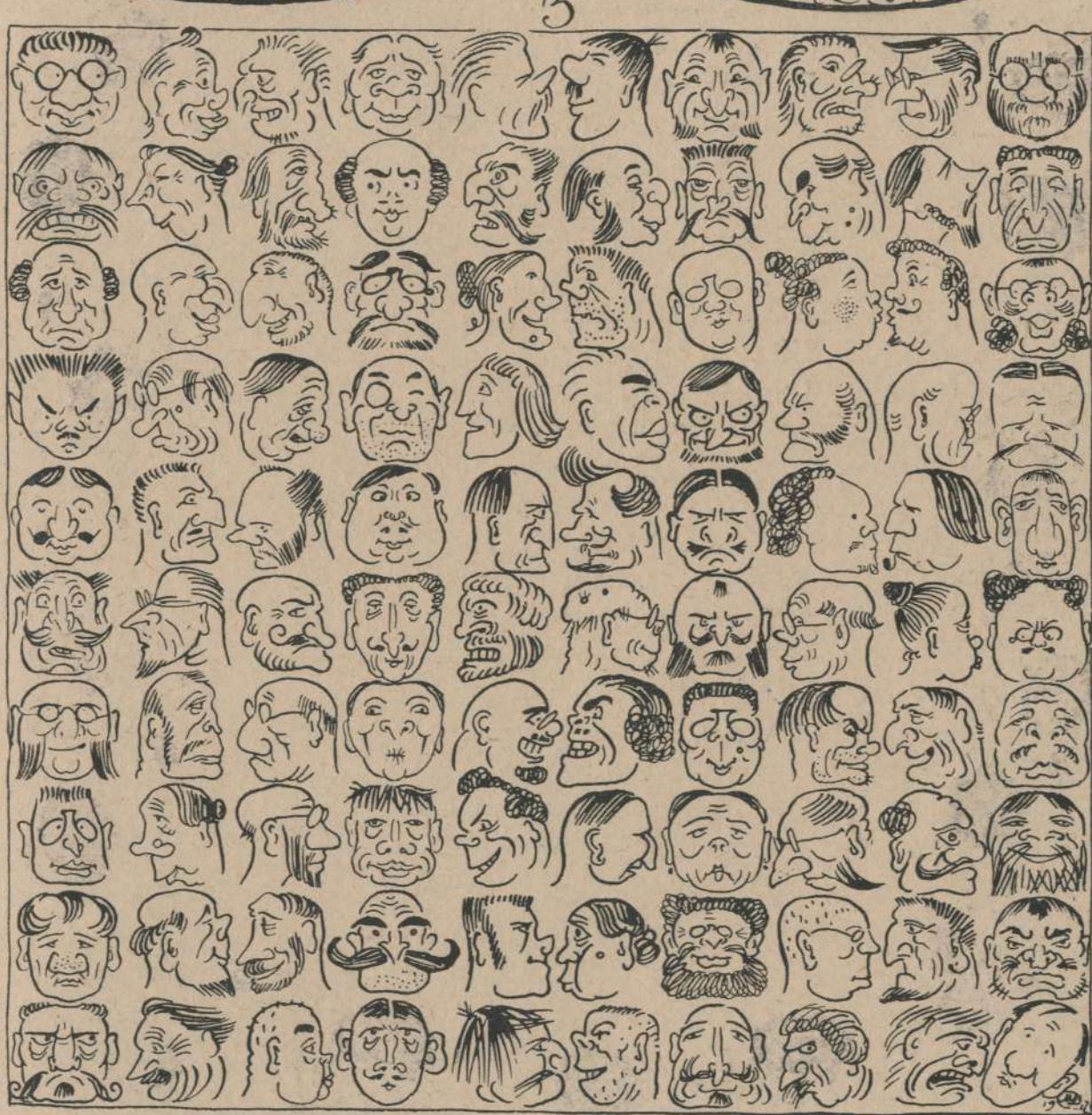
— А дверь куда дѣвалась?

— Сейчасъ ее принесутъ,—вотъ она!

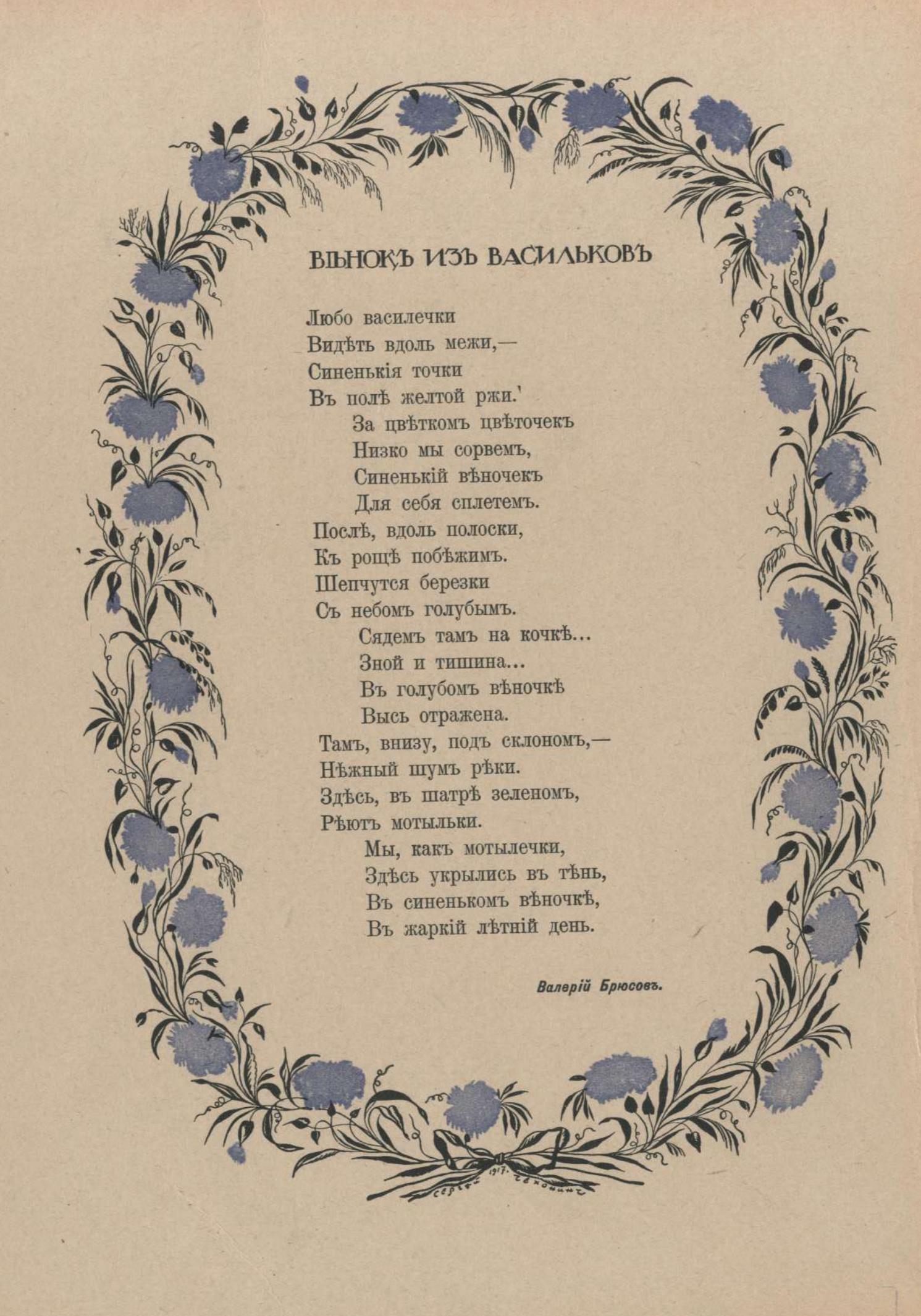
Выглянули хозяева въ окно, а по улицѣ идетъ Медвѣдь, дверь тащить, народъ отъ него во всѣ стороны бѣжитъ, на крыши лѣзутъ, на деревья; собаки испугались—завязли, со страху, въ плетняхъ, подъ воротами; только одинъ рыжій пѣтухъ храбро стоитъ среди улицы и кричитъ на Медвѣдя:

— Кину въ рѣку-у!...

Ребусы

Разгадка этого ребуса помещена на странице 155 ой.

ВЬНОКЪ ИЗЪ ВАСИЛЬКОВЪ

Любо василечки
Видѣть вдоль межи,—
Синенькія точки
Въ полѣ желтой ржи.
За цвѣткомъ цвѣточекъ
Низко мы сорвемъ,
Синенький вѣночекъ
Для себя сплетемъ.
Послѣ, вдоль полоски,
Къ рощѣ побѣжимъ.
Шепчутся березки
Съ небомъ голубымъ.
Сядемъ тамъ на кочкѣ...
Зной и тишина...
Въ голубомъ вѣночкѣ
Высь отражена.
Тамъ, внизу, подъ склономъ,—
Нѣжный шумъ рѣки.
Здѣсь, въ шатрѣ зеленомъ,
Рѣютъ мотыльки.
Мы, какъ мотылочки,
Здѣсь укрылись въ тѣнь,
Въ синенькомъ вѣночкѣ,
Въ жаркій лѣтній день.

Валерій Брюсовъ.

1917. Сергей Соколович

ХОЧУ КОТЕНКА

Кто ты? бархатный медвѣдь?
Ну, и спи въ покоѣ.
А мнѣ хочется имѣть
Что-нибудь живое.

Надоѣли куклы всѣ,
Поѣздъ мой мудрѣній...
Будто бѣлка въ колесѣ,
Вертятся вагоны.

Пикнуль птенчикъ заводной
Такъ противно-тонко...
Уберите все долой,
Дайте мнѣ котенка!

Марія Моравская.

ДОМИКЪ ВЪ САДУ

Въ саду было пусто. Только на полянкѣ за елками на весь садъ весело стучалъ топоръ. Стучалъ да стучалъ.

На стукъ топора изъ бѣлаго дома приплелась кошка Маргаритка. Сѣла на кучу прошлогоднихъ листьевъ и видить: стоить среди поляны рыжій плотникъ Данила и тешетъ бревна.

Обошла кошка вокругъ Данилы, обнюхала пахучую желтую щепку, которая, какъ сумасшедшая, прыгнула къ ней на носъ изъ-подъ топора,—и давай мяукать:

— Мяу-муръ, муръ-и-мяу,—я знаю, что это будетъ!

— А что, госпожа кошка?—вѣжливо спросилъ скворецъ съ березы и нагнуль внизъ голову со своей жердочки.

— Мняу! Вамъ очень хочется знать?

— Чики-вики, очень.

— Видите ли, въ томъ бѣломъ домѣ живутъ двѣ дѣвочки...

— Розовая и бѣлая?

— Мяу, да, и у нихъ есть папа, такой огромный папа, въ два раза больше самой большой собаки. Да. Такъ вотъ этотъ папа вчера заказалъ плотнику Данилу для своихъ дѣвочекъ домъ...

— Чики-вики, скворешникъ?

— По-вашему скворешникъ, а по-нашему—домъ.

И вотъ—хлопъ, гдѣ-то щелкнула дверь, и съ крыльца бѣлаго дома понеслись вперегонку къ полянкѣ двѣ дѣвочки: одна въ розовомъ, поменьше, круглая, какъ колобокъ,—Тася; другая въ бѣломъ, длинненькая и худая, какъ жердочка,—Лиля.

Прибѣжали и давай прыгать вокругъ Данилы:

— Данила, Данилушка, миленький, самый миленький, когда же домъ будетъ готовъ?

— Черезъ мѣсяцъ.

— Ай-яй-яй! Да вы не шутите, мы серьезно вѣсь спрашиваемъ...

— Ну черезъ недѣлю.

Тася и Лиля посмотрѣли другъ на друга и вздохнули:

— Вотъ тебѣ разъ!

— Сегодня будешь готово къ обѣду,—сказалъ Данила, улыбаясь въ рыжую бороду. —А что мнѣ за это будетъ?

— Все! Все, все! Все, что хотите, Данилушка!..

— Ладно. Все, такъ все.—Гупъ! гупъ!—и топоръ опять заходилъ по бревну.

Распилилъ Данила бревно на четыре куска, заострилъ концы, словно карандаши очинилъ, и вбилъ въ землю.

— Ловко!—сказала кошка,—это онъ будетъ полъ настилать.

А изъ бѣлага дома приковылялъ еще одинъ человѣчекъ: кухаркинъ сынокъ, Василій Ивановичъ, вѣсомъ съ курицу, двухъ лѣтъ съ хвостикомъ, румяный, какъ помидоръ. Пришелъ, палецъ въ ротъ, вытаращилъ глазки, пустилъ слону и смотрить.

— Васенька, иди-ка, червячикъ, сюда, посмотри,— позвала его Лиля и посадила рядомъ съ собой на бревно. Сидѣть, какъ галки, всѣ четверо: Лиля, Тася, кошка и Василій Ивановичъ и смотрять. Хорошо!

А Данила старается. Знаеть онъ, каково ждать, когда домъ строится!

Притащилъ изъ сарайа доски, собралъ быстро стѣнки,—хитрый былъ, молчаль, а все у него было заготовлено,—вставилъ раму, приложилъ такъ, чтобы окно къ рѣчкѣ выходило, чтобы все можно было видѣть: и лодки, и утокъ, и купальную пеструю будку...

— Муръ-мяу,—сказала кошка и ткнула Лилю головой,—окно со стекломъ, какъ же я буду влѣзать?! Это онъ, вѣрно, нарочно, за то, что я у него вчера ватрушку стянула...

— Да не приставай ты, чучелка!—Лиля не понимала кошкинаго языка, да и некогда было съ ней возиться.

— Данила, Данила,—запищала Тася,—а, Данила?

— Чего?

— Уже можно жить?

— По-го-ди...

— Какая смѣшная дѣвочка!—заскрипѣла скворчиха надъ головою у Таси.—Какъ же можно жить безъ крыши и безъ дверцы? Ага, вотъ и дверцы! Какія большія и совсѣмъ не круглые! Ничего онъ не понимаетъ, этотъ Данила...

Кошка посмотрѣла однимъ глазомъ на скворчиху и лѣниво зѣвнула:

— Мня... Эй ты, скворечная курица, иди-ка лучше въ свой ящикъ спать! Сама ты ничего не понимаешь, а еще разсуждаешь, тоже....

Скворчиха сдѣлала видъ, что не слышить,—стоить ли со всякой кошкой связываться!

— Съ новосельемъ!—сказалъ Данила, взялъ топоръ подмышку, набиль трубку, закурилъ и ушелъ.

Ай-да домикъ! Настоящая крыша, настоящія дверцы, настоящее окно...

А внутри какъ хорошо, прямо запишишь отъ удовольствія. Стѣны струганыя, свѣтленькия, по бокамъ лавочки, какъ въ вагонѣ. Подъ окномъ столикъ съ крючкахъ, смолой пахнетъ, чистенький такой, словно его кошка языкомъ облизала. Окошко со стеклами, переливается, а за окномъ, какъ на ладошкѣ, вся голубая рѣка: утки плывутъ и кланяются, верба на берегу зелеными лентами машетъ, желтый катерокъ пробѣжалъ, фыркая, какъ мокрая собака. Хорошо!

Посмотрѣла Лиля на Тасю, Тася—на Лилю, Василій Ивановичъ—на кошку и кошка на всѣхъ,—вдругъ что-то всѣ вспомнили и сразу затормошились. А мебель? А картинки? А занавѣски? А кухня? А посуда?

— Ахъ ты Боже мой, какія мы свистульки!

Подхватили дѣвочки Василія Ивановича—одна справа, другая слѣва—подмышки, какъ самоваръ, и понеслись къ дому. Кошка осталась. Ходить да нюхаетъ все: новый домикъ, надо же привыкнуть.

Смотрять съ березы скворецъ и скворчиха и удивляются,—никогда еще въ саду они такого чуда не видали. Впереди шагаетъ Василій Ивановичъ, пыхтить и волочить по землѣ красный коврикъ, за нимъ въ припрыжку Тася съ цѣлымъ кукольнымъ семействомъ на рукахъ, за ней莉莉 съ жестяной кухней, съ рѣзной полочкой, съ самоваромъ, за ними мама съ занавѣской и посудой (такая большая, а съ дѣвочками играетъ!), за ней папа, широкій, какъ купальная будка, идетъ, очками на солнцѣ блестить, а въ рукѣ молотокъ и картинки, за нимъ кухарка съ морковками, а въ самомъ хвостѣ старая черная собака Арапка—ничего не несетъ, идетъ, языкъ высунула и тяжело дышитъ...

— Чики-вики,—запищала скворчиха,—идемъ скорѣй въ скворешникъ, у меня даже голова закружилась...

Пошла работа! Разостлали въ домикѣ коврикъ, углы утыкали зеленої вербой, прибили картинку «мальчика-съ-пальчикомъ», приколотили полочку, разставили посуду, накололи занавѣску,—и готово!

Папа съ кухаркой Агашей были оба толстые и никакъ не могли пролѣзть въ дверь, какъ ни старались. Поздравили дѣвочекъ со двора съ новосельемъ и ушли. А мама, маленькая, худенькая, осталась было съ ними жить, все разставила, все прибрала, вытерла Василію Ивановичу носъ, сняла съ волосъ малиновую ленту и навязала ее кошкѣ, ради новоселья, вокругъ шеи и только собралась съ ними стряпать, какъ ее позвали въ бѣлый домъ... Ушла, какъ ее ни просили остаться.

— Нельзя,—говорить,—червячки! У васъ свой домъ, у меня свой,—какъ же домъ безъ хозяйки останется? До свиданья.

Такъ и ушла.

— А у насъ кто же будетъ хозяйствомъ?—спросила Тася.

— Я!—сказала莉莉.

— А я?

— И ты тоже.

— А Василій Ивановичъ?

— Нашъ сынъ.

— А кошка?

— Судомойка.

— Мняу! Скажите, пожалуйста!—обидѣлась кошка.—Почему судомойка?

— Потому, что тарелки лижешь,—захрипѣла старая Арапка, хлопая, какъ деревяшкой, хвостомъ по полу.

— А ты не лижешь?

— Лижу, да не твои.

— Эй, вы, не ссориться!—Тася топнула башмачкомъ, взяла ведерко и пошла къ рѣчкѣ за водой.

Возлѣ дома на траву поставили кухню, собрали щепокъ, растопили плиту, перенесли въ ведеркъ морковку, нарѣзали и поставили вариться, а сами опять въ домъ.

Только усѣлись и затворили дверцы,—слышать, изъ бѣлага дома кто-то спѣшитъ, задыхается.

— Молчать, сидѣть тихо!—скомандовала Лиля.

Тася посмотрѣла въ щелку и уткнулась губами въ Василія Ивановича: смѣшно, хоть на поль садись, а разсмѣяться нельзя.

А за дверцами стоялъ важный человѣкъ: братъ Витя, приготовишка, въ длинныхъ штанишкахъ, съ дѣвочками играть не любилъ,—стоялъ и смотрѣлъ.

— Отворить?—шепнула Тася.

— Пусть попросить.

— Эй, вы!—раздалось за дверью.

Ни гу-гу.

— Что вы тамъ, въ самомъ дѣлѣ, затворились?

Ни гу-гу.

— Да пустите же, курицы!

— Пустить?—опять шепнула Тася.

— Слушай,—Лиля подбѣжала къ двери и взялась за крючокъ:—мы тебя пустимъ жить, только, только...

— Что только?

— Что ты намъ принесешь въ домъ?

— Жаренаго таракана.

— Кушай самъ! Нѣть,—ты серьезно скажи...

— А вотъ, а вотъ... я вамъ... выкрасу крышу!

Трахъ! Крючокъ слетѣлъ, и сама дверь чуть не спрыгнула съ петель, домъ такъ и закачался.

— Выкрасишь крышу?!

— Могу.

— Въ зеленую краску?

— Могу и въ зеленую.

Витя былъ большой мастеръ. Черезъ полчаса крыша была зеленая, какъ лягушка, и Витины руки были зеленые, и кошкинъ хвостъ былъ зеленый (зачѣмъ суется?), и даже на Тасинъ башмакъ капнула зеленая краска.

Вода въ кастрюлькѣ закипѣла. Вытащили морковку, разрѣзали на кусочки, разложили на тарелочки и дали всѣмъ—и Василію Ивановичу, и Арапкѣ, и кошкѣ. А когда пообѣдали, опять заперли дверь на крючокъ, тѣсно-тѣсно усѣлись на лавочкѣ и давай пѣть:

— Нашъ домъ! Нашъ домъ!

Съ окномъ!

Съ крыльцомъ!

Нашъ домъ! Нашъ домъ!

Съ потолкомъ!

Съ крючкомъ!...

Замѣчательная пѣсня.

Цѣлый день не вылѣзали изъ домика, и когда позвали ихъ обѣдать въ большой домъ, такъ и не пошли: заставили все принести себѣ въ домикъ.

Такъ и просидѣли до вечера. Ночевать въ домикѣ имъ не позволили, да и холодно,—пришлось итти всей компаніей въ бѣлый домъ, въ свою дѣтскую. Ахъ, какъ не хотѣлось!

Ушли. Луна вылѣзла изъ-за рѣчки. Въ домикѣ стало пусто и тихо. Совсѣмъ тихо. Кошка проводила дѣтей и вернулась. Обошла домикъ кругомъ,—дверь на задвижкѣ. Какая досада! Тамъ за лавочку во время обѣда завалился кусочекъ котлеты, завтра прозѣваешь,—Арапка съѣсть. Она на это мастерица!

Сидить кошка, зѣваетъ: итти въ сарай на стружки спать или здѣсь передъ дверью клубкомъ свернуться? И вдругъ прислушалась,—шуршитъ что-то въ домикѣ, шуршитъ да шуршитъ. Забѣжала съ другой стороны, ухватилась когтями за окно, смотритъ—сидѣть на столикѣ за стекломъ мышь и ъѣсть кошкину котлету, лапками такъ и перебираетъ.

— Ахъ ты, разбойница!

Разсердилась кошка, даже зубами заскрипѣла. А мышь увидѣла ее, смѣется, хвостикомъ машетъ, дразнить,—за стекломъ не страшно.

Свалилась кошка на траву, посидѣла, подумала и пошла къ дверямъ:

— Тутъ и лягу... Утромъ Лиля и Тася дверь откроютъ,—покажу я тебѣ, какъ чужія котлеты ъѣсть!..

Не знала она, глупая, что въ углу, когда плотникъ Данила поль сбивалъ, одинъ сучокъ изъ доски выскочилъ: много ли мышкѣ надо, чтобы уйти?..

Саша Чёрный.

ІЕРЕМІЯ-ЛЪНТЯЙ

СКАЗКА КС. БОГУСЛАВСКОЙ. РИСУНКИ ИВ. ПУНИ.

иль-быль старенький Парикимахеръ.

Съденький, сгорбленный, на животикѣ ножницы привѣшаны, а оть самого мыломъ да духами пахнетъ. Онъ былъ такой старенький и медлительный, что пока немножко волосъ сострижетъ, ужъ другіе на ихъ мѣсто вырастутъ.

У него былъ сынъ Іеремія, сонный и лѣнивый, какъ зимняя муха. Сидѣть, супъ Ѣсть; ложку до рта не донесеть—заснетъ, захрапитъ; поспить немного—проснется, а ужъ супъ холодный,—нести надо подогрѣвать. Согрѣется супъ, сядеть Іеремія его Ѣсть, да опять заснетъ. Проснется—опять тащи супъ на печку.

Такъ онъ и не могъ никогда досыта покушать.

Вотъ и говорить ему однажды отецъ:

— Старъ я сталъ, да и вижу плохо: не дай Богъ, застригу кого-нибудь до полусмерти. Пора тебѣ за работу приниматься. Даль ему ножницы въ руки и велѣль старое кресло стричь, изъ котораго оть дряхлости волосы вылѣзли.

А Іеремія уткнулся носомъ въ стѣнку—засопѣль, захрапѣль,—спить.

Отцу это страшно не понравилось.

— Я тебя учу,—говорить,—а ты спишь. Ну, когда такъ, ужъ если ты такой лѣнивый, такъ убирайся съ глазъ моихъ долой.

Вытолкаль Іеремію вонъ и дверь на цѣпочку закрыль.

Ушелъ Іеремія изъ дома, пошелъ куда глаза глядятъ.

Идетъ день, идетъ два—такъ долго шель, что даже спать на ходу научился.

Вотъ однажды идетъ, спить и вдругъ споткнулся, открылъ глаза, видѣть: на землѣ туго-набитый кошелекъ лежитъ. Хотѣль онъ его поднять, да лѣнь нагнуться; подумалъ немножко, а потомъ рѣшилъ—не стоитъ трудиться, и отправился дальше.

Шелъ онъ часа полтора, прошелъ шаговъ двадцать и столкнулся носъ къ носу съ Маленькимъ Человѣчкомъ въ большущихъ очкахъ. Ничего изъ очковъ и не видно, какъ-будто одни очки на ножкахъ идутъ.

Іеремія сразу догадался, что это колдунъ.

— Извините,—говорить,—я васъ не ушибъ ли?

— Вы моего кошелька не видали?—забасилъ вдругъ колдунъ.

— Видѣлъ, видѣлъ,—сказалъ Іеремія.

— Гдѣ же кошелекъ?

— А тамъ же на дорогѣ лежить, далеко отсюда, часа два ходьбы.

— Спаать?!—протянулъ Спиридонъ.—Да ужъ весь городъ двѣ недѣли не спить, вѣсъ сидѣть, думаютъ, да плачутъ. Такая сырость развелась, что ужъ по улицамъ нельзѧ безъ калошъ пройти.

Тутъ, вдругъ, изъ-за его плеча, раздалось такое чиханье, что у Іеремія чуть шляпа не слетѣла съ головы.

— Это Вегъ,—сказалъ Спиридонъ,—королевскій куаферъ *), Адольфъ Вегъ,

Глупый ты малый, а, видно, честный,—говорить колдунъ,— и пахнетъ отъ тебя мыльцемъ, ужъ не парикмахерскій ли ты подмастеръ? Вотъ дарю тебѣ въ награду за честность эти Волшебныя Ножницы.

И съ этими словами исчезъ.

Іеремія положилъ ножницы въ карманъ и пошелъ дальше.

Наконецъ подошелъ къ го-
роду Первердасу.

Видѣть: огромныя ворота, а городъ маленький, и на воротахъ объявленіе виситъ. Началь Іеремія читать, пять разъ засыпалъ, пока читаль,—такое длинное. Вотъ что было написано:

«Симъ объявляется всѣмъ жителямъ Первердаса, что завтра устраивается пятое и послѣднее состязаніе парикмахеровъ.

Король Кирикусъ Пятый».

— Гмъ!—сказалъ Іеремія и вошелъ въ ворота. А подъ воротами Спиридонъ сидѣть, слезы по щекамъ размазываешь, а слезы текутъ, текутъ—ужъ порядочное озерко наплакалъ.

— Что ты плачешь?—спрашиваетъ Іеремія,—можеть быть, тебѣ спать хочется?

*.) Куаферъ—по-французски цирульникъ.

Куаферъ привсталъ и оказался весьма полнымъ человѣкомъ на маленькихъ кривыхъ ножкахъ.

— Да, милостивый государь,—сказалъ онъ, сморкаясь и складывая платокъ въ карманъ.—Вы видите передъ собой парикмахера, которому грозить чувствительная непріятность. Въ высшей степени чувствительная непріятность.

И онъ рассказалъ Іереміи слѣдующую исторію:

— Въ этой странѣ царствовалъ могущественный король Кирикусъ. Король Кирикусъ еще въ дѣтствѣ былъ необычайно уменъ, и отъ этого у него голова была тяжелѣе туловища, и когда онъ шелъ, то все головой объ стулья хлопался. И такъ себѣ голову настукаль, что вся она поросла шишками. Поэтому стричь короля очень неудобно: некрасивая прическа выходитъ. И вотъ на завтра назначено состязаніе: если найдется такой парикмахеръ, что короля красиво ежикомъ подстрижетъ, то будетъ онъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ. А не найдется—всѣхъ парикмахеровъ въ тюрьму посадятъ. И такъ какъ король уже всѣхъ парикмахеровъ перепробовалъ, и ни у одного хорошо не выходило, то придется, значитъ, всему сословію въ тюрьму садиться.

Послѣ этого Адольфъ Вегъ захныкалъ, зачихалъ, зафыркалъ, но Іеремія не стала его слушать, а попрѣль записываться на состязаніе.

Вотъ на другой день, когда пришла Іереміина очередь, вытащилъ онъ Ножницы изъ кармана, приставилъ къ королевскому затылку, а Ножницы какъ защелкали, заскрипѣли, стригутъ во-всю сами—только волосы въ разныя стороны летятъ. Всѣмъ придворнымъ глаза запорошило.

Однимъ словомъ, выстригъ короля великодѣйно.

Король посмотрѣлся въ зеркало и сказалъ:

— Ничего себѣ, красиво.

И взялъ его во дворецъ придворнымъ куаферомъ—жить да поживать, да по двадцать часовъ въ сутки спать.

А остальное время Іеремія короля подстригалъ, прихорапивалъ, самъ—стоить, ярлычки на фланонахъ съ одеколономъ читаетъ, а Ножницы знай—стригутъ. Такъ прошло два года. Іеремія растолстѣль и еще лѣнивѣе стала.

Но вотъ однажды Ѳль король сардинки и капнуль себѣ на горностаевую мантію. А Мантія была дорогая.

— Экая досада,—сказалъ король королевъ.—Самый лучшій костюмъ испачкалъ, ужъ лучше бы я тебѣ на платье капнуль.

Отдали мантію Іереміи и велѣли осторожно бензиномъ почистить.

А Іереміи лѣнь за бензиномъ въ аптеку сходить.

«Ну ее,—думаетъ,—завтра почищу».

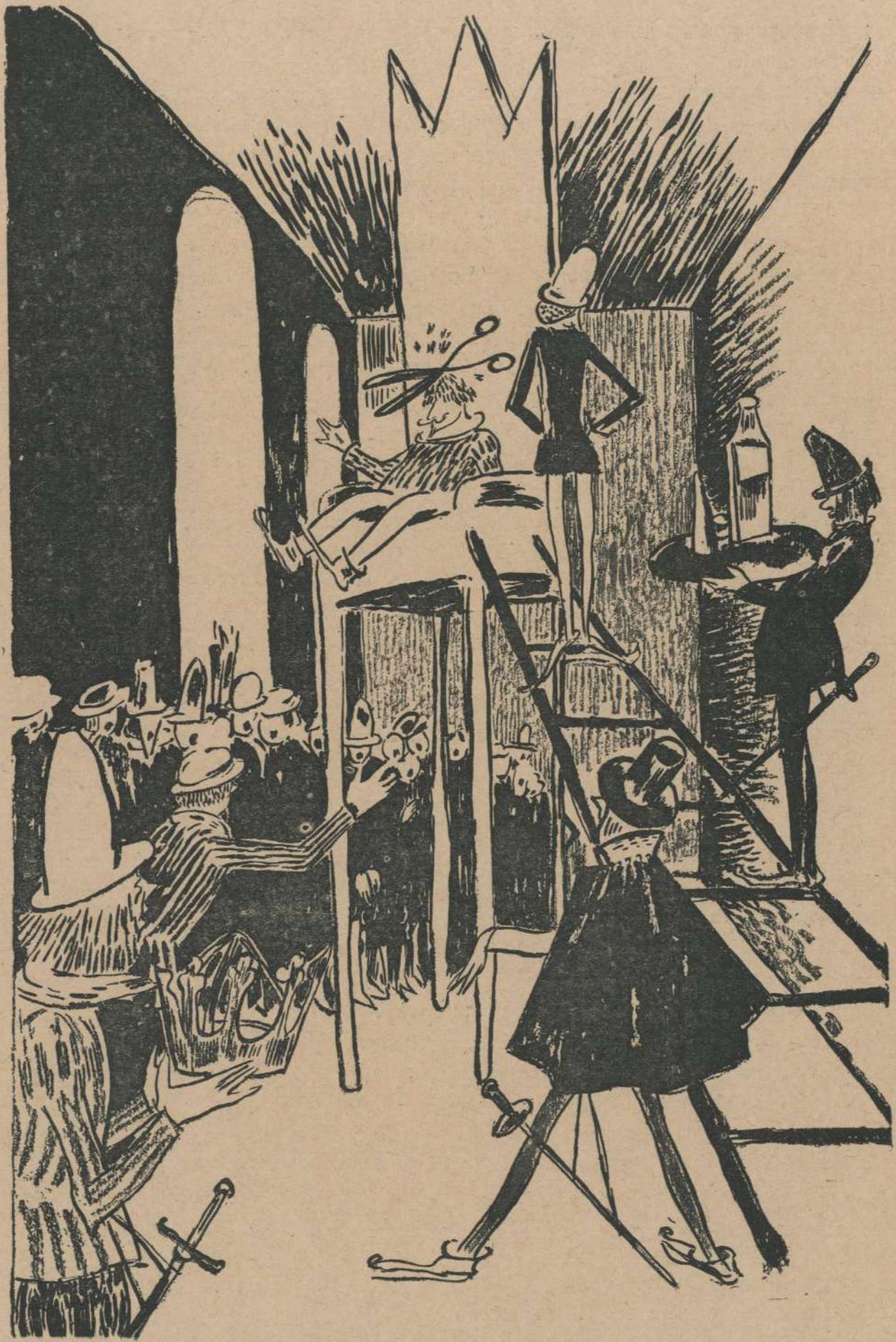
Положилъ мантію на столъ, а самъ спать завалился.

Такъ ему спать хотѣлось, что и Ножницы Волшебныя на столѣ позабыть.

Только онъ захрапѣль, Ножницы принялись за работу.

Всю мантію выстригли чисто-на-чисто, подъ 1-й номеръ.

Утромъ Іеремія проснулся, сходилъ, купилъ на 10 копеекъ бензину да такъ и ахнуль: видить мантія стрижена.

Разсердился, схватил Ножницы и выкинуль за окно.

А ужъ отъ короля гонцы за гонцами: подавай ему мантію, да поскорѣй, да не пахнетъ ли она бензиномъ?

Наконецъ не дождался король, пошель за мантіей самъ.

Іеремія слышить, по коридору кто-то топаетъ,—пріоткрылъ дверь и остал-бенѣль: самъ Кирикусъ Пятый стоять въ халатѣ.

Ну, ужъ тутъ Іереміи никакъ было не отвертѣться. Пришлось королю все разсказать: и что у него Ножницы были волшебныя, и какъ онѣ мантію подстригли.

Дрожитъ Іеремія, разсказываетъ, а самъ голову нѣть-нѣть и потрогаетъ,—боится, чтобы отъ страху голова не отвалилась.

— Такъ,—сказалъ король.—Ну хорошо, Іеремія, предположимъ, я тебя казню. Такъ. А подавай мнѣ сюда Ножницы!

— Да я ихъ выкинуль,—говорить Іеремія.

— Ахъ ты, сонная тетеря,—завопилъ король,—кто же меня стричь будетъ?

Сѣль за столъ и написалъ большущую бумагу:

«Приказываю своимъ подданнымъ оставить всѣ свои занятія и явиться къ главному Министру Королевскихъ Носовыхъ Платковъ.

А виновные будуть строго наказаны.

Король Кирикусъ Пятый».

Вотъ всѣ подданные явились, дѣла свои побросавъ, и велѣль имъ министръ поиски начинать. Ищутъ, ищутъ—ничего не могутъ найти.

Іеремія спить, сидя въ тюрьмѣ, подданные ищутъ, а король все въ зеркало смотрить, какъ у него волосы растутъ.

— А что, Машенька,—спрашиваетъ королеву,—не пора ли ужъ стричь?

— Давно пора,—говорить королева.

— А позвать сюда Іеремію!

Привели его солдаты, соннаго съ соломы сняли.

— Ну,—говорить король,—даю тебѣ сроку три дня. Можешь выспаться хорошенько, а потомъ я тебя повѣшу. Но только сначала ты долженъ будешь меня постричь. Плохо выйдетъ,—придется повѣсить. Хорошо выйдетъ,—сдѣлаю тебя опять придворнымъ парикмахеромъ.

Пошель Іеремія назадъ въ тюрьму.

Сидѣль три дня и три ночи, все думаль, и весь сонъ съ него соскочилъ.

Думаль, думаль, ничего придумать не могъ.

Насталъ четвертый день, открылъ тюремщикъ тюрьму огромнымъ ключомъ и потащилъ Іеремію за воротъ во дворецъ.

А тамъ король сидить, бушуетъ,—никакъ пообѣдать хорошенько не можетъ: волосы мѣшаютъ, такие длинные отросли, что въ глаза лѣзутъ и, какъ король кушать собирается, на носъ ему свѣсятся и въ соусъ мокнуть.

— Вотъ,—сказалъ король грустно и отодвинулъ тарелку,—совсѣмъ уже и кушать не могу, вотъ какъ волосами заросъ. Стриги, Іеремія, скорѣй! Да смотри: чуть что не такъ,—повѣшу!

Отъ страху у Іеремія затряслись руки, но дѣлать нечего. Взялъ онъ ножницы и такъ изуродовалъ царскую прическу, что ужасъ: стала голова какъ стогъ сѣна, изъ за уха клокъ мочалы повисъ; на маковкѣ просто вѣрь получился. Всѣ такъ и прыснули: «вотъ такъ огородное чучело!»

— Ну что,—спрашиваетъ король,—какъ выходить?

Глянулъ Іеремія однимъ глазкомъ на придворныхъ—видитъ: хоочутъ, смѣются, подмигиваютъ—очень смѣшная прическа.

— Ну,—повторилъ король,—что же вы молчите? Отвѣчайте.

Придворные отъ страху чуть не попадали, трепещутъ, не знаютъ, что и сказать,—но такъ какъ неудобно сказать королю, что онъ безобразное пугало; то выступилъ изъ толпы первый министръ и сказалъ, что у короля въ новой причесѣ удивительно величественный видъ.

— Га, такъ ты, значить, находишь, что я красавецъ?—сказалъ король, очень довольный.

— Изумительный красавецъ, восхитительный!—пропѣли придворные.

— Ну, а коли восхитительный, то и вы всѣ извольте носить такія же прически, а если кто не захочетъ, того я посажу въ тюрьму.

Такъ всѣ и ходятъ теперь въ городъ Первердасъ какъ огородныхъ чучела, съ метелками, вмѣсто прически: ничего не подѣлаешь—мода.

А Іеремій король остался очень доволенъ, повѣсили ему на шею огромную золотую медаль съ надписью «королевскій цирюльникъ», и съ тѣхъ поръ Іеремія живеть да поживаетъ въ городѣ Короля Кирикуса, и лѣнъ съ него какъ рукой сняло—открылъ парикмахерскую и стрижетъ весь городъ.

Я самъ у него стригся на прошлой недѣлѣ, и теперь у меня такая прическа, что даже лошади на улицѣ смѣются.

ФОФКА

Дѣтскую оклеили новыми обоями. Обои были очень хорошие, съ голубыми цвѣточками.

Но никто не досмотрѣлъ, ни обойщикъ, который продавалъ обои, ни мама, которая ихъ купила, ни нянька Анна, ни горничная Маша, ни кухарка Домна, словомъ никто, ни одинъ человѣкъ, не досмотрѣлъ вотъ чего:

Малярь приклѣилъ на самомъ верху, вдоль всего карниза, бумажную полосу. На полосѣ были нарисованы пять собакъ, а посрединѣ ихъ желтый цыпленокъ, съ пумпушкой на хвостѣ. Рядомъ опять сидятъ кружкомъ пять собачекъ и цыпленокъ. Рядомъ еще пять собачекъ и цыпленокъ съ пумпушкой. И такъ вдоль всей комнаты на самомъ верху подъ карнизомъ пять собачекъ стерегутъ желтаго цыпленка.

Малярь наклеилъ полосу, слѣзъ съ лѣстницы и сказалъ:

— Ну-ну!

Но сказалъ такимъ голосомъ, что это было не просто—«ну-ну», а что-то похуже. Да и малярь былъ необыкновенный малярь, до того испачканный красками и мѣломъ, что никакъ нельзя разсмотретьъ, какой это былъ малярь. Звали его Панкратомъ. Когда онъ шелъ по коридору и тащилъ лѣстницу, то сапоги его сами собою топали. Онъ взялъ деньги за работу, заворчалъ, надѣлъ дырявое пальто и вдругъ пропалъ вмѣстѣ съ лѣстницей, точно его никогда и не было.

А потомъ и оказалось: мама никогда такой полосы съ собаками и цыпленкомъ не покупала. Позвонили по телефону въ магазинъ, оттуда отвѣтили:— «виноваты-сь, мы ничего не знаемъ».

Сначала мама разсердилась, потомъ пришла въ дѣтскую и сказала:

— Ну, что-же, очень мило—собачки и цыпленокъ,—и велѣла намъ ложиться спать.

Насъ, дѣтей, было двое у нашей мамы, я и Зина. Легли мы спать. Нянька зажгла лампадку и ушла. Зина мнѣ и говорить:

— Знаешь что? А цыпленка то зовутъ Фофка.

Я спрашиваю:

— Какъ такъ Фофка?

— А вотъ такъ, самъ увидишь.

Мы долго не могли заснуть, трусили. Вдругъ Зина шепчетъ:

— У тебя глаза открытые?

— Нѣть, зажмуренные.

— Ты ничего не слышишь?

Я навострилъ оба уха, слышу — потрескиваетъ гдѣ то, попискиваетъ. Открыль въ одномъ глазу щелку, смотрю—лампадка мигаетъ, а по стѣнѣ бѣгаютъ тѣни, какъ мячики. Въ это время лампадка затрещала и погасла.

Зина сейчас же залезла ко мнѣ подъ одѣяло, закрылись мы съ головой.
Она и говорить:

— Фофка все масло въ лампадкѣ выпилъ.

Я спрашиваю:

— А шарики зачѣмъ по стѣнѣ прыгали?

— Это Фофка отъ собакъ убѣгалъ, слава Богу они его поймали.

На утро проснулись мы, смотримъ—лампадка совсѣмъ пустая, а наверху, въ одномъ мѣстѣ, около Фофкина клюва—масляная капля.

Мы сейчас же все это рассказали мамѣ, она ничему не повѣрила, засмѣялась. Кухарка Домна засмѣялась, горничная Маша засмѣялась тоже, одна нянька Анна покачала головой.

Вечеромъ Зина мнѣ опять говорить:

— Ты видѣлъ, какъ нянька покачала головой?

— Видѣлъ.

— Что-то будетъ! Нянька не такой человѣкъ, чтобы напрасно головой качать. Ты знаешь зачѣмъ у насъ Фофка появился? Въ наказанье за наши съ тобой шалости. Вотъ почему нянька головой качала. Давай ка лучше припомнимъ всѣ шалости, а то будетъ еще хуже.

Начали мы припомнить. Припоминали, припоминали, припоминали и запутались. Я говорю:

— А помнишь, какъ мы на дачѣ взяли гнилую доску и положили черезъ ручей? Шель портной въ очкахъ, мы кричимъ: «идите, пожалуйста, черезъ доску, здѣсь ближе». Доска сломалась и портной упалъ въ воду. А потомъ Домна ему животъ утюгомъ гладила, потому что онъ чихалъ.

Зина отвѣчаетъ:

— Неправда, этого не было, это мы въ книжкѣ читали.

Я говорю:

— Ни въ одной книжкѣ про такую гадкую шалость не напишутъ. Это мы сами сдѣлали.

Тогда Зина сѣла ко мнѣ на кровать, поджала губы и сказала противнымъ голосомъ:

— А я говорю: напишутъ, а я говорю: въ книжкѣ, а я говорю, ты по ночамъ рыбу ловишь.

Этого, конечно, я снести не могъ. Мы сейчас же поссорились. Вдругъ кто то цапнулъ страшно больно меня за носъ. Смотрю и Зина за носъ держится.

— Ты что?—спрашиваю Зину. И она отвѣчаетъ мнѣ шепотомъ:

— Фофка. Это онъ клюнулъ.

Тогда мы поняли, что намъ не будетъ отъ Фофки житья.

Зина сейчас же заревѣла. Я подождалъ и тоже заревѣлъ. Пришла нянька, развела насъ по постелямъ, сказала, что если мы не заснемъ сю же минуту, то Фофка откроетъ намъ весь носъ до самой щеки.

На другой день мы забрались въ коридоръ за шкафъ. Зина говорить:—Съ Фофкой нужно прикончить.

Стали думать, какъ намъ избавиться отъ Фофки. У Зины были деньги—на переводныя картинки. Рѣшили купить кнопокъ. Отпросились гулять и прямо побѣжали въ магазинъ «Пчела». Тамъ двое гимназистовъ приготовительного класса покупали картинки для наклеиванья. Цѣлая куча этихъ замѣчательныхъ картинокъ лежала на прилавкѣ, и сама госпожа «Пчела», съ подвязанной щекой, любовалась, жалѣя съ ними разстаться. И все таки мы спросили у госпожи «Пчелы» кнопокъ на всѣ тридцать копѣекъ.

Потомъ вернулись домой, подождали, когда отецъ и мама уйдутъ со двора, прокрались въ кабинетъ, гдѣ стояла деревянная, лакированная лѣстница отъ библіотеки, и притащили лѣстницу въ дѣтскую.

Зина взяла коробочку съ кнопками, залѣзла на лѣстницу подъ самый потолокъ и сказала:

— Повторяй за мной: я съ моимъ братомъ Никитой даемъ честное слово никогда не шалить, а если мы будемъ шалить, то не очень, а если даже очень будемъ шалить, то сами потребуемъ, чтобы намъ не давали сладкаго ни за обѣдомъ, ни за ужиномъ, ни въ четыре часа. А ты, Фофка, сгинь, чуръ, чуръ, пропади!

И когда мы сказали это оба громко въ одинъ голосъ, Зина приколола Фофку кнопкой къ стѣнѣ. И такъ приколола быстро и ловко,—не пикнуль, ногой не дрыгнуль. Всѣхъ было шестнадцать Фофокъ, и всѣхъ приколола кнопками Зина, а собачкамъ—каждой—носикъ помазала вареньемъ.

Съ тѣхъ поръ Фофка намъ больше не страшень. Хотя вчера поздно вечеромъ на потолокъ началась было возня, пискъ и царапанье, но мы съ Зиной спокойно заснули, потому что кнопки были не кое какія кнопки, а куплены у госпожи «Пчелы».

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

РАЗГАДКА РЕВУСА,

помѣщенаго на страницѣ 39-ой.

Первое—Ночь.

Второе—Ной.

Третье—Сто рожь.

А все вмѣстѣ—вотъ:

СОДЕРЖАНИЕ

Обложка— работа худ. В. Лебедева.
Титульный лист—раб. худ. В. Лебедева.
Рисунок раб. худ. Александра Бенуа.
Самоваръ—разск. М. Горькаго, рис. худ. Ю. Анненкова.
Зайчик—стих. Н. Венгрова, рис. худ. В. Лебедева.
Джекъ побѣдитель великановъ, англійская народная сказка,
пересказалъ К. Чуковскій, рисунки худ. В. Замирайло.
Сказка о Глупомъ Царѣ,—норвежская сказка, пересказалъ
К. Чуковскій, рис. Валентины Ходасевичъ.
Разговоръ Человѣка съ Мышкой, которая єсть его книги,—
стих. В. Ходасевичъ. рис. худ. Б. Попова.
Блошки—стих. Н. Венгрова, рис. худ. Ю. Анненкова.
Звѣри для хорошихъ дѣтей и звѣри для нехорошихъ дѣтей,
рис. худ. А. Радакова.
Какъ пропала Баба-Яга,—сказка Н. Любавиной, рис. худ.
Б. Попова.
Моя учительница,—стих. С. Дубновой и Н. Венгрова, рис.
худ. Б. Лебедева.
Два жука,—стих. М. Моравской, рисун. худ. С. Чехонина.
Трубочистъ,—стих. С. Чернаго, рис. худ. В. Лебедева.
Про Иванушку-Дурачка,—русская народная сказка, переска-
заль М. Горкій, акварель И. Е. Рѣпина.
Ребусъ,—рис. худ. М. Добужинскаго.
Вѣнокъ изъ васильковъ, стих. В. Брюсова, рис. худ. С. Чехонина.
Хочу котенка, стих. М. Моравской, рис. худ. С. Чехонина.
Домикъ въ саду,—разск. С. Чернаго.
Іеремія лѣнтай,—сказка К. Богуславской, рис. худ. И. Пуни.
Фофка,—разск. гр. Алексѣя Н. Толстого.
Разгадка ребуса.
Содержание.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ.